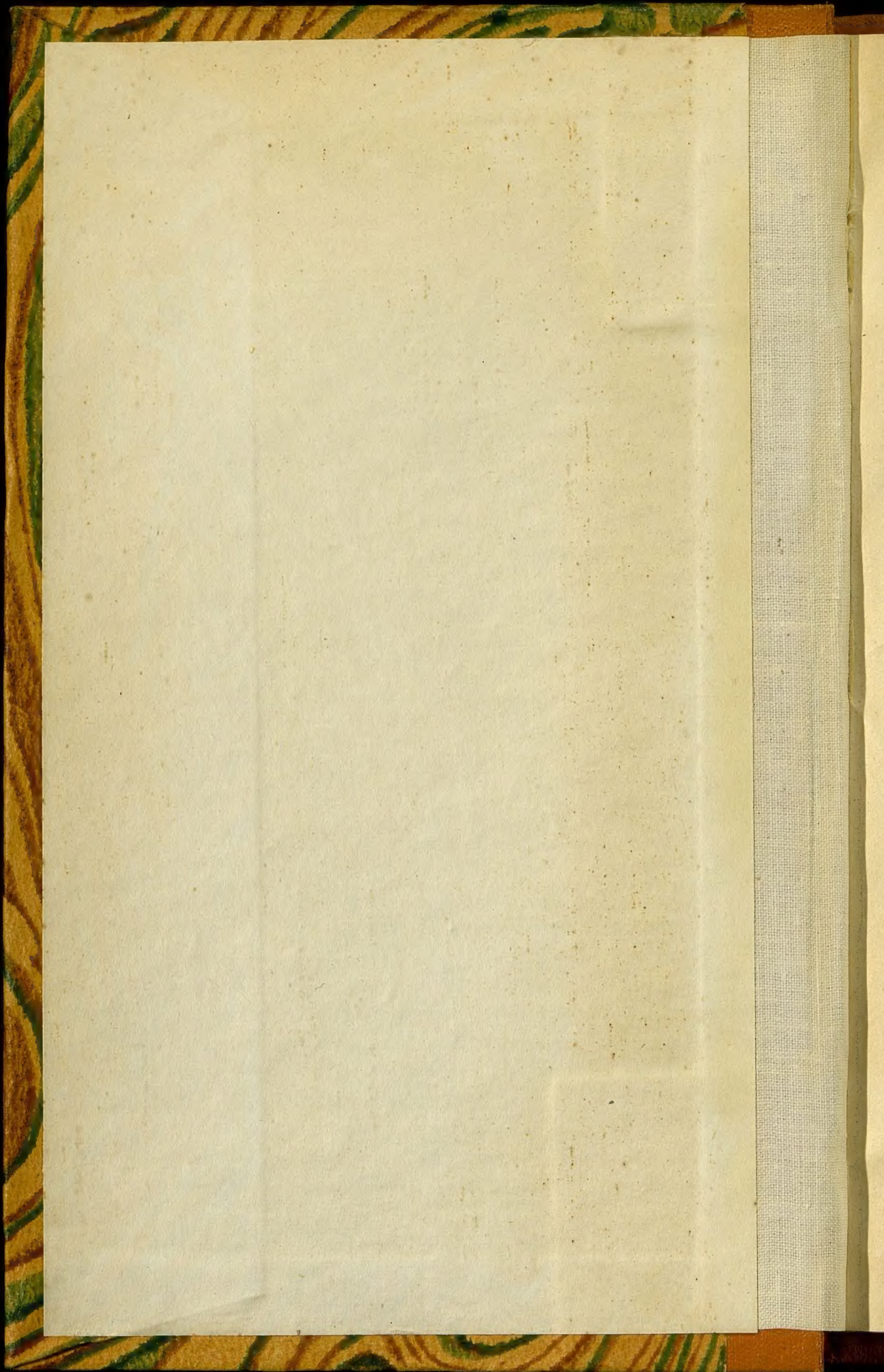

J100 7/54

ИСТПАРТ КРЫМСКОГО ОБЛ. К-ТА В.К.П.(б)

А. К. БОЧАГОВ

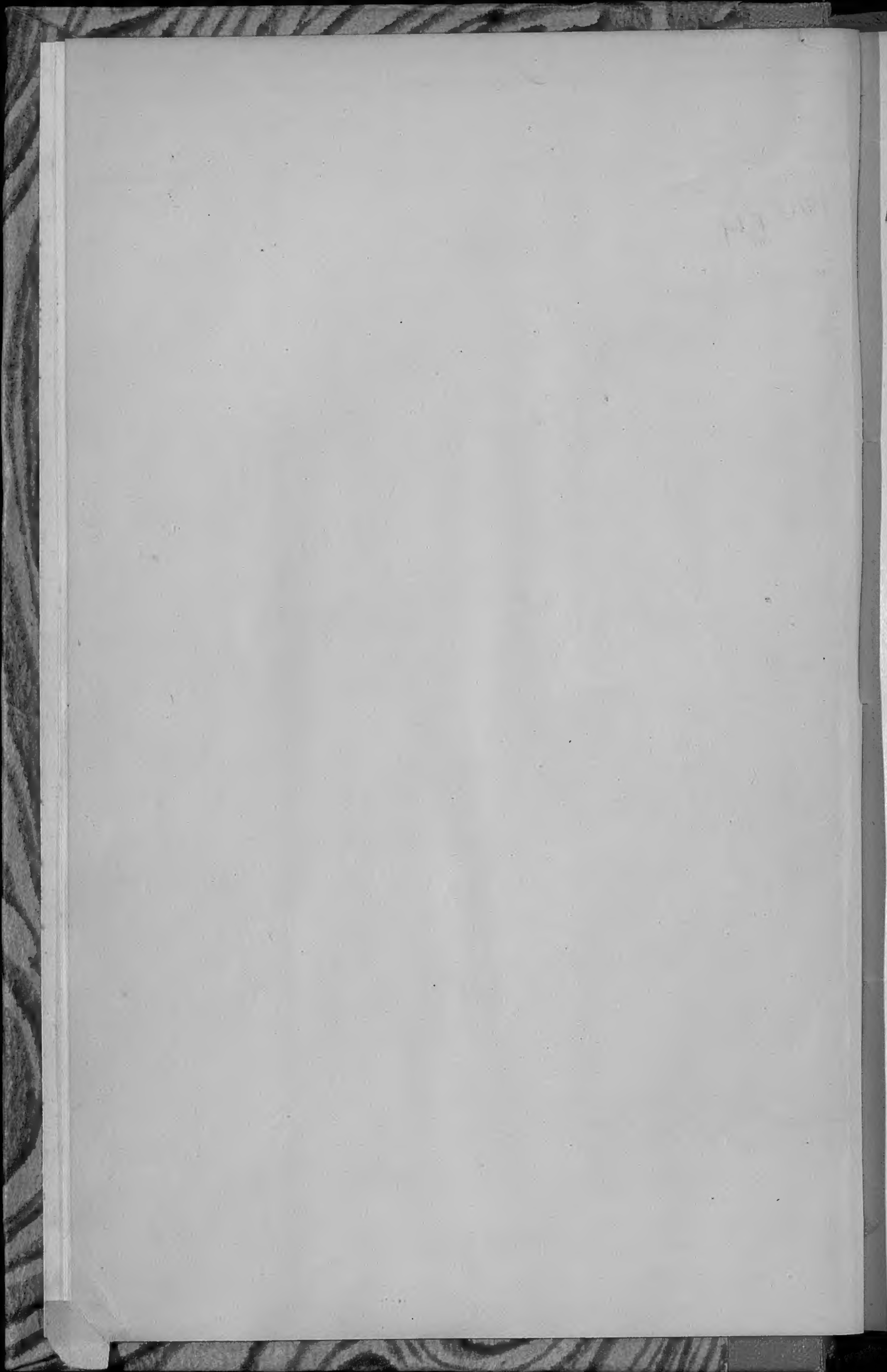
МИЛЛИ ФИРКА

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ

ОЧЕРК

Л. Е.

КРЫМГОСИЗДАТ

ИСТПАРТ КРЫМСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ВКП (б)

А. К. БОЧАГОВ

МИЛЛИ ФИРКА

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В КРЫМУ

ОЧЕРК

КРЫМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1930

Напечатано в 1-й Гос. типо-лит. „Крымполиграфтреста" в Симферополе в кол. 3000 экзем. Зак. № 3269. Лит Крымнаркомпроса 847.

Наряду с изучением создания и развития партийной организации в Крыму Истпарт поставил своей задачей дать ряд работ по национальному движению.

Работа т. Бочагова, охватывающая период 1917-20 гг., вскрывает контрреволюционный характер буржуазно-национального движения, построена на многочисленных документах и является первой работой в этом роде.

В сложных междунациональных взаимоотношениях, при неизжитых еще в отдельных слоях мелкой национальной буржуазии и части национально-буржуазной интеллигенции иллюзиях о возможности существования самостоятельного крымского буржуазного государства особенно важно вскрыть неибежную тягу и постоянное сотрудничество национальной татарской буржуазии со всеми отрядами русской и международной контрреволюции и ее бешеную борьбу против социалистического переворота в Крыму.

Как первая попытка — работа т. Бочагова с этой точки зрения может быть рекомендована вниманию широких партийных масс и советской общественности.

Дабы дать возможность узнать о контрреволюционной работе партии Милли Фирка трудящимся массам крымского коренного населения и молодому поколению, Истпарт не останавливается перед тем, чтобы в самое ближайшее время издать эту книгу и на татарском языке.

Более капитальный труд по национальному движению в Крыму и истории революционного движения является одной из основных задач Истпарта на ближайшие годы работы.

Истпарт Крымского Областного Комитета ВКП(б).

Наряду с изучением создания и развития партийной организации в Крыму Истпарт поставил своей задачей дать ряд работ по национальному движению.

Работа т. Бочагова, охватывающая период 1917-20 гг., вскрывает контрреволюционный характер буржуазно-национального движения, построена на многочисленных документах и является первой работой в этой роли.

В сложных межнациональных взаимоотношениях, присущих еще в отдельных слоях мелкой национальной буржуазии и части национальной буржуазной интеллигенции, связанных с возможностью существования самостоятельного крымского буржуазного государства, особенно важно вскрыть неизбежную тягу и постоянное стремление национальной татарской буржуазии со всеми отрядами русской и международной контрреволюции и ее ненависть к борьбе против социалистического переворота в Крыму.

Как первая попытка — работа т. Бочагова с этой точки зрения может быть рекомендована вниманию широких партийных масс и советской общественности.

Чтобы дать возможность узнать о контрреволюционной работе партии Милли Фирка трудящимся массам крымского коренного населения и молодому поколению, Истпарт не останавливается перед тем, чтобы в самое ближайшее время издать эту книгу и на татарском языке.

Более капитальный труд по национальному движению в Крыму и истории революционного движения является одной из основных задач Истпарта на ближайшие годы работы.

Истпарт Крымского Областного Комитета ВКП(б).

I. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Усиление пролетарско-классового наступления на частно-капиталистические элементы в городе и деревне, в частности, последние мероприятия партии — „переход от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса“, — неизбежно обостряет классовую борьбу. Это обострение и усиление сопротивления враждебных нам классовых сил в большей мере сказывается в национальных районах, где пролетарская прослойка мала, частно-капиталистические элементы относительно сильнее, чем в центральных районах Союза, где не изжиты еще остатки межнациональной розни и налицо сложный переплет межнациональных взаимоотношений.

Более слабое и позднее развитие капитализма в бывших колониях оставило больше докапиталистических пережитков как в области экономики, так и в области социальной. В области экономики только в последние годы закончена расчистка от остатков феодальных форм землевладения (земельная реформа в средней Азии, в Казакстане и др. районах). Налицо самые отсталые формы зернового хозяйства, экстенсивные формы скотоводства, низкая производительность труда. В области социальной мы здесь еще сталкиваемся с остатками родового строя, задерживающего классовую диференциацию национального крестьянства, пережитками крепостничества, тормозящего развитие производительных сил, кабальным, бесправным положением женщины (многоженство, затворничество, ношение чадры), большим религиозным влиянием мулл, разного рода традициями быта и большой культурной отсталостью.

Если затронуть подробнее, то одна только область земельных отношений дает большое разнообразие этих особенностей, присущих национальным окраинам.

Деревня центральной России пережила период комбедов, и это явилось причиной ее нивеллировки: понижением экономического уровня кулацко-капиталистической ее части и повышением экономического уровня бедноты. В большей части национальных республик практикой национальной политики до последних лет интересы кулацкой верхушки были затронуты меньше; процесс нивеллировки здесь проявился слабее. Свидетельство этому — практика ряда районов.

В Узбекистане в первые годы после революции кулачество владело прекрасными обширными участками плодородной земли с хорошей оросительной сетью. Земля эта находилась в их пожизненной собственности. Они сдавали ее в аренду бедноте и этим эксплоатировали, причем местами эксплоатация имела ту особенность, что часть крестьян бедняков, малоземельных (чайрикеров) работала байским инвентарем на их же земле. Здесь, таким образом, мы имеем неприкрытую форму крепостнических отношений.

В Казакстане, Каракалпакской автономной области байство сохранило за собой от дореволюционного прошлого, на основе, так называемого, обычного права, прекрасные кочевья, в то время как национальная беднота ютилась на солончаках.

В Крыму в результате искажения политики Советской власти махрово-националистической миллифирковской верхушкой во главе с В. Ибраимовым — татарская беднота Южного берега ютилась на карликовых участках земли, а частью переселялась в степную часть Крыма, а кулаки сохранили участки, значительно превышающие размер среднего трудового надела.

Во всех национальных районах под руководством коммунистической партии национальная беднота и среднее трудовое крестьянство широким фронтом повели классовое наступление против всех этих пережитков крепостничества в области земельных отношений. Формы этого наступления различны. Общим является лишь одно — наступление носит характер широкой государственной реформы.

„Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к „реформистскому“, постепеновскому, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства“ (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 376, ноябрь 1921 г.). Ибо, осуществляя диктатуру, рабочий класс обладает могучими орудиями воздействия на все остальные классы общества и имеет все предпосылки для социальной переделки общества в рамках тех социально-правовых отношений, которые им установлены.

Социальная значимость этих реформ обуславливается самой обстановкой. Земельно-водная реформа в Узбекистане является „крайней“ формой классового наступления в „туземной“ деревне: беднота получила отобранные у баев участки плодородных, орошаемых земель, она получила частично и тот инвентарь бая, которым она обрабатывала эти поля. У бая осталась земля, причитающаяся ему лишь в размере норм трудового землепользования, и то лишь в том случае, если он сам работал на ней. Эта реформа, проведенная рядом законодательных актов, является ярким примером „реформистского“, „постепеновского“ метода классового наступления в национальной деревне. Недаром в ряде этих республик в честь проведения ее установлен особый праздник, сопровождающийся демонстрациями десятков тысяч дехкан (крестьян), выходящих на улицу с красными флагами.

Как на пример следующий, можно указать на передел пахотных и сенокосных угодий в Казакстане (1926/27 г.), который был направлен на отобрание у байства лучшей части пастбищ и покосов и сильно активизировал аульно-кишлачную бедноту. Позднее в Казакстане было проведено выселение 700 наиболее крупных байских хозяйств и конфискация их имущества, не только земли, но и скота, являющегося в условиях кочевого хозяйства основным источником существования. Эта реформа имела исключительное значение в деле советизации аула и кишлака в Казакстане.

Наконец, следующей наименьшей по своей остроте формой является земельная реформа в Крыму. Уничтожение

норм оставления,[1] этого перекрытия советских форм землепользования, передача этих площадей бедноте на южном берегу Крыма, уменьшение в части степных районов норм наделения,— таковы задачи этой реформы.

Не только в области земельного вопроса—вся система мероприятий дальнейшего социалистического наступления на частно-капиталистические элементы города и деревни и в особенности последнее решение партии об уничтожении кулачества как класса в связи с широчайшим ростом коллективизации в деревне, в том числе в национальной деревне,— вызывает бешеное сопротивление мероприятиям коммунистической партии и Советской власти. Основным методом этого сопротивления остатков национальной буржуазии, буржуазной интеллигенции, мулл и кулачества в особенности, будет попытка перекрытия классовых интересов национальными со ссылкой на положительный характер деятельности национальной буржуазии в прошлом. Дело в том, что широкий взмах национально-буржуазного движения сразу после февральской революции был направлен не только против царизма, великодержавных стремлений русской буржуазии, но также ставил себе задачу положительной работы в рамках национально-буржуазных государственных формирований на окраинах. Национальная буржуазия большинства окраин ставила своей целью организацию своих национально-буржуазных, по сути дела контрреволюционных правительств. Эти правительства в штыки встретили Октябрьский переворот. И пролетарская революция смела их. Национальное движение, направленное против царизма и его системы, с момента столкновения с рабочим классом, осуществляющим Октябрьский переворот,— теряло свою революционную сущность и становилось национальной, буржуазной контрреволюцией. Рабочий класс не мог содействовать этому движению, ибо — „дальше... начинается „позитивная“ (положительная) деятельность бур-

[1] Сверх обычных норм трудового землепользования в Крыму, для южных районов законодательство, в целях недробимости участков, предусматривало „нормы оставления“ для бывших владельцев (кулаков, полупомещиков).

жуазии, стремящейся к укреплению национализма... Содействовать буржуазному национализму за этими, строго ограниченными, в определенные исторические рамки поставленными пределами[1] значит изменить пролетариату и становиться на сторону буржуазии. Тут есть грань, которая часто бывает очень тонка" (Ленин, т. XIX, стр. 53).

Однако, эта „позитивная" работа была развернута национальной буржуазией и велась до осуществления социалистического переворота в национальных районах.

Развернутая в одних районах сильнее, в других слабее, эта работа национальной буржуазии — создание „своего" государственного формирования, культуртрегерство, буржуазные реформы и т. д. — оставила и по сей день некоторые иллюзии у национальной буржуазии и национальной буржуазной интеллигенции о возможности и успешности независимого государственного строительства.

Эти иллюзии позднее, с установлением диктатуры рабочего класса, находили себе питание в слабости советских органов национальной деревни, а отчасти и центральных органов национальных республик, в неорганизованности бедноты, в перекрытии классовых противоречий родовыми и национальными моментами, в сильном влиянии национальной буржуазии в ауле, кишлаке (национальная деревня), доходящем в отдельных случаях, в первые годы существования Советов, до полного засилья и выхолащивания классовой сущности политики Советской власти.

Организация национальной бедноты, земельная реформа, полоса советизации национальной деревни, реформы, направленные на бытовое раскрепощение женщины (борьба с многоженством, ношением чадры, запрещение калыма — продажи женщины и проч.), борьба за переделку косного, консервативного, отупляющего быта, борьба с религией, засильем мулл, наконец, широчайшее развертывание коллективизации, сочетающейся с уничто-

---

[1] Речь идет о том, чтобы признание законными национальных движений „не превратилось в аналогию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях"... (Ленин, т. XIX, стр. 52).

жением кулачества как класса,—все эти мероприятия не только не убили сопротивления, а, наоборот, обострили классовую борьбу в национальных окраинах.

Сопротивление, оказываемое национальной буржуазией и национальной буржуазной интеллигенцией, все еще тормозит пролетарско-классовое наступление. Через мулл, мурзаков, баев, маститых интеллигентов (выходцев из ассимилированной царизмом национальной буржуазии) это влияние переходит на некоторые отсталые слои национального крестьянства, отсталые прослойки рабочих, просачивается в парторганизации. Это влияние обостряет межнациональные взаимоотношения: усиливает местный национализм и великодержавный шовинизм, способствует росту антисемитизма.

В основном же это влияние направлено на выхолащивание классовой сущности мероприятий Советской власти с целью приспособить их к осуществлению своих буржуазно-демократических программных положений.

Это в полной мере подтверждается недавней обстановкой в Крыму. Вели-ибраимовщина, искажавшая политику Советской власти и коммунистической партии, приведшая к ряду крупнейших ошибок и задержке социалистического наступления по всем звеньям,— непреложное тому доказательство. Что мы имели в Крыму до недавнего прошлого? Оставление больших норм земельного наделения (до 100 десятин на двор), которое привело к повышенному проценту кулачества в Крыму; неверную политику переселения бедноты с Южного берега в степи с оставлением кулачества на старых участках земли, превышающих размеры трудового землепользования. Искажения, допущенные в вопросе о выселении помещиков из Крыма (неполное, мягкотелое проведение этого мероприятия). Все это повело к некоторой задержке экономического подъема бедняцко-середняцкой массы крестьянства, задержке коллективизации деревни и возможно было лишь потому, что националистические, мелкобуржуазные элементы проникли во все поры государственного аппарата, влияли на его работу, пытаясь хотя бы отчасти приспособить советскую форму государственного строительства к своим буржуазно-демократическим, контрреволюционным целям.

По всем этим соображениям, разбор „позитивной“ работы национальной татарской буржуазии, возглавляемой Милли Фирка в годы ее властвования, характеристика ее социальных устремлений сейчас имеет не только историческое, но и актуальное практическое значение. Между тем, о работе Милли Фирка (дословный перевод — национальная партия), руководительнице всего национально-буржуазного движения в Крыму в 1917 — 20 гг., в нашей печати имеются очень скудные сведения: несколько газетных статей, одна-две статьи в татарских журналах—это все.

Впервые в русской печати статьи о Милли Фирка появились в связи с решением ЦК ВКП(б) о работе Крымской организации. Короткие статьи эти не дают правильного представления о роли Милли Фирка, не дают и ее социальной оценки. Между тем, широкие трудящиеся массы, целое поколение новых работников и даже часть партийного актива не знают национально-буржуазного движения и роли Милли Фирка. Это затрудняет правильную оценку такого явления, как ибраимовщина, мешает правильной оценке отдельных настроений среди национальной буржуазиии, кулачества, торговцев и национальной интеллигенции. Осколки разбитой, политически обанкротившейся этой партии, отдельные члены ее, работающие в наших советских и других органах, пытаются еще иногда рядиться под „заслуженных революционеров“, пострадавших за „народ“. Они спекулируют на незнании истории национально-буржуазного движения, и спекуляция эта им иногда удается (особенно среди части нашей татарской молодежи). Пользуясь доверием трудящихся, под советской оболочкой им еще удается кой-где прививать шовинистические настроения, разжигать антисемитизм, спекулировать на трудностях, создавать популярность бывшим вождям национально-буржуазной контрреволюции в Крыму.

Своевременно поэтому дать оценку общественной роли Милли Фирка, характеризовать „помощь“ миллифирковцев, которую они „оказывали“ советскому строительству до сегодняшнего дня, показать, за что они ратовали в 1917—20 гг. и позднее, с кем они шли и каковы их „революционные заслуги“.

Работа не претендует на исчерпывающую полноту. Это только первый грубый набросок, первая попытка восстановить общую картину деятельности Милли Фирка.

После доклада в группе т.т., созванных комиссией по изучению национального вопроса при Коммунистической академии, в связи с выступлением т. Диманштейн и других т.т., внесен целый ряд дополнений и исправлений. Из-за отсутствия материалов и времени работа не удовлетворяет все же отдельным требованиям, предъявленным на этом докладе. Полагаю, однако, что и в таком несовершенном виде ее опубликование принесет некоторую пользу в борьбе с остатками миллифирковщины в Крыму.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ДО РЕВОЛЮЦИИ И РАССТАНОВКА КЛАССОВЫХ СИЛ В 1917 ГОДУ

Крым относится к числу таких национальных окраин, где политика царизма взрастила в широких массах татарского населения особенно острую ненависть к русским и стремление к национальной независимости.

Это обуславливалось—

1. Военно-колониальным захватом Крыма.
2. Экономическим разорением основных масс населения.
3. Установлением полной их социальной бесправности.

Главной причиной колониального захвата были интересы быстро развивавшегося русского торгового капитала, жадно стремившегося к берегам Черного моря. Исторически развивавшаяся торговля по великому водному пути „из варяг в греки“ — требовала свободы хозяйничанья, торговой независимости в бассейне Черного моря. Этому препятствовала Турция, опираясь на татар в Крыму и южном побережьи Черного моря.

Фактическому военно-колониальному захвату Крыма предшествовала серия длительных войн и дипломатических интриг, направленных к отторжению Крыма из-под влияния Турции.

В 1771 году, ввиду полного провала попыток изолировать Крым от Турции мирным путем, Россия пошла на его военный захват с тем, чтобы создать „независимое“ Крымское ханство. Этот шаг, направленный непосредственно на изоляцию Крыма от Турции, был предпринят в расчете на последующее полное подчинение его России.

После новой вооруженной схватки в 1774 году Турция, ослабленная в военном отношении, по так называемому

Кучук-Кайнарджийскому договору признала, что — „все татарские народы (в том числе и населяющие южное побережье Черного моря)... имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана Чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да и управляет ими по древним их законам и обычаям"... (§ 3 договора).

Но не это, конечно, составляло основную сущность договора. Были удовлетворены, наконец, давние требования русского торгового капитализма: „Для выгодностей и пользы обеих империй имеет быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам во всех морях, их землю омывающих, и блистательная Порта (Турция—*А. Б.*) позволяет таковым точно купеческим российским кораблям, каковые другие государства в торгах в ее гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное; так как и приставать ко всем гаваням и пристаням, на берегах морей и в приездах, или каналах, оные моря соединяющих, находящимся" (§ 11 договора).

Этот договор развязывал руки русскому торговому капитализму на юге России, а с „самостоятельным" ханством в 1783 году было покончено полным его присоединением к России.

Хозяйничанье колонизаторов резко сказалось на положении татарского населения с первых же дней. Прежде всего начался чудовищный грабеж земель. Завоеватели, „хозяева", раздавали эти земли с большой легкостью и большими количествами.

О том, насколько щедро было царское правительство, свидетельствуют такие цифры.

В 1784 году было отдано

Ширинскому	27.333	дес.
Попову	27.876	„
Безбородко	18.006	„
П. Коховскому	3.455	„
М. Коховскому	7.549	„
Потемкину	13.000	„

Это наиболее крупные раздачи земли; если же к ним добавить многочисленные мелкие раздачи, получится очень внушительная цифра. С 1774 г. по 1796 год всего было роздано отдельным лицам (царским чиновникам, выслужившимся дворянам, разного рода фаворитам, проходимцам) — 288.064 десятины.[1]

Процесс обезземеленья в основном проходил за счет трудовых слоев татарского населения. Дело в том, что после многих протестов со стороны татарского населения царская администрация пошла на некоторую регламентацию грабежа: в случае наличия письменных документов, подтверждающих право собственности, захват земель в некоторой мере предотвращался. Старое законодательство хранит следующие директивы по этому вопросу: „Одначе всякая деревня должна показать границы своей округи и документально утвердить, а когда оных нет — самою строжайшею по их законам присягою, а что за округою будет — должно казне принадлежать“.[2] Естественно, что в этой тяжбе за землю более сильным оказалось мурзачество. Оно было во многих случаях в состоянии доказать документами свое право собственности на землю. В значительно меньшей мере это могло сделать трудовое татарское крестьянство.

Политически бесправному, ограбленному населению старая мусульманская Турция казалась местом, где начнется вольное, богатое житье. Движение, подогреваемое пропагандой мулл и специальных агентов Турции, приняло широкий массовый характер.

Всего в четырех крымских уездах, кроме Ялтинского, было покинуто татарами 687 сел., из которых 315 совершенно опустели и до начала 70 годов вовсе не были заселены.

Очевидец писал: „а татары идут и идут, целуют землю, плачут, но все-таки идут“.[3]

Переезд этот сопровождался большой смертностью, до 60.000 человек погибло в пути от голода и эпидемии. Но и

---

[1] Цифры взяты из работы С. А. Усова.— Истор.-экономический очерк Крыма. Крымгиз. 1926 год.

[2] Лашков. Известия Тавр. учен. арх. комиссии за 1896 г., стр. 129.

[3] Из той же работы С. А. Усова.

в Турции их ждали большие испытания: население встретило иммигрантов недружелюбно, средств для начала хозяйствования было мало, недоедание и новый климат были причиной большой смертности переселенцев.

В Крыму же процесс ограбления и широкой раздачи земель продолжался; позднее, когда „свободных“ земель стало меньше, он сменился процессом капиталистического обезземеления.

Этот процесс проходил чрезвычайно бурно. Ежегодно десятки тысяч десятин земли разоряющееся крестьянство продавало или закладывало в банки, и впоследствии за неплатеж эти земли отбирались. Через банки эта земля переходила в руки крупных и мелких помещиков. Вот соответствующие цифры: за 1913 год в отд. Крестьянского поземельного банка поступило 224 ходатайства о выдаче ссуд под залог земли на общую сумму — 421.906 р. С 1907 по 1913 год этим же банком было продано:

1. Хуторам с общим при них владением	6.895	дес.
2. Отрубам	51.852	„
3. Учрежд. и частным лицам за наличный расчет	299	„

Общая стоимость этих земель была равна 11.001.881 р. 36 коп.; 94,82% всей земли было продано за ссуду, только 570.141 р. было заплачено наличными.[1]

Энергичная скупка земель у коренного населения резко изменила картину распределения земли. Ко времени революции распределение всей земельной площади представляется в таком виде:

1. Частновладельческой	1.534.260	дес.	— 65%
2. Надельной крестьянской	424.872	„	— 18%
3. Казенной, удельной, церковной	330.456	„	— 14%
4. Городской	70.812	„	— 3%

Процесс грубого, административного изъятия земель у татарского населения; процесс капиталистической мобилизации земельной собственности,— все это озлобило национальное крестьянство. На карликовых участках худшей земли при низкой производительности труда, под гнетом полной политической бесправности и экономического разорения —

[1] Памятная книжка Таврич. губ. за 1915 год. Центр. архив.

трудовое татарское население находилось в исключительно тяжелом положении. На почве этого грабежа, политического бесправия, эмиграции в массах все время жила мысль о национальной независимости. Глубокие корни пустила озлобленность ко всему русскому, ко всем „гяурам“, принесшим в Крым столько несчастий.

Отсюда целый ряд попыток освободиться от русского влияния.

В специальной работе тов. Ольшукова мы находим сотни фактов-свидетельств активной борьбы национального крестьянства и других слоев татарского населения за свою национальную независимость.

Массовое восстание в районе Бахчисарая в 1808 году, когда подготовлялась армия повстанцев в 20.000 человек и только неорганизованное, преждевременное выступление 3.000 повстанцев послужило поводом для раскрытия всего плана и жестокой расправы с повстанцами. Разгромы помещичьих имений в 1854 и 1880 годах, бесчисленные факты убийств, поджогов имений, организованных ограблений, на протяжении сотни лет, — все это прямые свидетельства неимоверной тяжести положения трудовых слоев крестьянства.

Позднее, когда социальная дифференциация сказалась значительно резче, когда мурзачество лучше усвоило методы „европейской“ эксплоатации трудящихся масс — эти последние перенесли свою ненависть и на национальную буржуазию и помещиков-татар. На аграрные беспорядки жаловались и татары-помещики.

В конце XIX и начале XX столетия две политические группы выступали от имени татарского населения: панисламистская культуртрегерская группа Гаспринского и группа Медиева.

Группа Гаспринского отражала интересы только что нарождающейся национальной торговой буржуазии и либеральной части мурзачества. Ее лозунгами и практикой была пропаганда идей панисламизма, широкое культуртрегерство. Лойяльное отношение к царизму, молчаливое подчинение всей системе его мероприятий, отсутствие смелых национально-революционных выступлений — основные характерные черты этой группы.

Все усилия ее были направлены в сторону широкого культуртрегерства. Успешная борьба с русским торговым капитализмом, завоевание и укрепление позиций национальной буржуазии требовали развитых, подготовленных, грамотных людей. Старая татарская школа с ее долбежкой Корана не давала этого. Гаспринский и его группа выступают с программой реформы национальной школы и, несмотря на сопротивление консервативного мусульманского духовенства, развертывает работу по организации новой школы.

Вообще же в области социально-экономической Гаспринский и его группа не пошли дальше очень расплывчатого, неясного лозунга: „единство дела, мысли, языка". Какого дела, какой мысли? Именно в силу такой аполитичности своих лозунгов Гаспринский обеспечил 33-летнее легальное существование своей газете „Терджиман" („Переводчик").

Гаспринский всей силой своего влияния и авторитета, созданных не без участия царской администрации, тупил острие национально-революционного движения. В своей газете „Терджиман" Гаспринский выдвинул интересную теорию, по которой выходило, что русские и татары—это два основных государственных элемента царской России, так сказать, соль империи; что татар нельзя сравнивать с остальными национальными меньшинствами — чувашами, цыганами, черемисами, вотяками так же, как поляками и финнами. По Гаспринскому выходило, что „провидение" недаром столкнуло эти две многочисленные народности, что этой огромной массе в 100 миллионов человек предстоит создать могущественную империю, которая должна противостоять Западу и языческому Востоку. Он писал:

„Могучий, кипучий Запад с его миллиардами и широкими знаниями, пробуждающийся языческий Восток с его несчетным населением могут сдавить нас как тиски, если мы не поторопимся как следует сплотиться, просветиться и развить во всю ширь работоспособность и производительность. Татария и Московия принадлежат истории и прошлому; теперь надо думать и работать всем нам за будущее великой Российской империи. Да поможет бог".[1]

[1] Газета „Терджиман", № 29 за 1905 г.

Логическое завершение этой точки зрения: правильная оценка опасности с Запада и Востока должна изменить отношение правительства к татарам, к тюркам вообще. Они должны получить такое же участие в общественно-политической жизни страны, как и русские. Эти два основных „государственных элемента“ должны составить основу империи, и этот союз укрепит царскую Россию. Преимущества и привилегии, которыми пользуется русское население, должен получить и татарский народ. Иначе говоря, татарская буржуазия в равной мере должна участвовать в эксплоатации, насилии, ограблении царизмом мелких национальных меньшинств. Голос Гаспринского — это пока еще слабый голос зарождающейся национальной торговой буржуазии, которая хочет сесть за общий стол эксплоататоров, которая просит об этом.

Он советует торговой татарской буржуазии — „отдавайте детей в коммерческие школы, т. к. иным путем конкурировать с русским коммерсантом не сможете“. Он за объединение именно по этим соображениям: „Объединение необходимо и возможно. И это не так трудно, как может казаться. Мусульмане не думают о казанском, крымском и др. ханстве, не думают также об областных автономиях. Строго легальные, они желают быть добрыми гражданами России; глубоко верущие, они желают быть и оставаться мусульманами“.[1]

Гаспринский не протестует против ужасающего бесправия, эксплоатации, разорения трудящегося татарского населения. Он уверен, что „великий царь“ справедлив, что во многих бедах виноваты лишь губернаторы и чиновники, неверно комментирующие основные законы. „Не сожалея о прошедшем, покорные настоящему, мусульмане ждут лучшего будущего под властной, могучей рукой русского царя совместно со всеми народами земли русской“.[2] Таков лозунг Гаспринского.

Теперь даже бывшие его соратники, современники Гаспринского не идеализируют его роли. Революция поставила все точки над и... Она сорвала пышную одежду фразеоло-

[1] Газета „Терджиман“, № 26 за 1905 год.
[2] „Терджиман“, № 20 от 15/III—1905 г.

гии и с беспощадной четкостью обнажила классовую сущность явлений. Сосланный за свою контрреволюционную деятельность Ахмед Озенбашлы так пишет о роли Гаспринского: „Досадно верить в то, что в жизни он не в состоянии был дать, кроме формул голой поэзии, подобной „единство дела, мысли, языка“, желанных жизненных организаций. Эти лозунги, будучи возвышенными, в течение 33 лет не спускались на землю и не могли дать ответа на ряд вопросов, выдвинутых жизнью“.[1]

Выразителем национально-революционных стремлений широких трудящихся масс и национальной буржуазии была группа Медиева; наряду с культуртрегерством она вела национально-революционную работу: открытая смелая критика существующих государственных порядков, критика руссификаторской деятельности земств, вскрытие вопиющих безобразий, творимых царской администрацией на восточных окраинах, вскрытие тяжести положения татарского трудового населения. Эта группа, возникшая значительно позднее группы Гаспринского (1900—1905 гг.), была прямым выражением бурного роста местной национальной буржуазии, сталкивающейся с русским торговым капиталом. Она апеллирует к „родным низам“ (Сталин), положение которых является исключительно тяжелым, и в короткий срок добивается большой популярности.

Руководителем этой группы был учитель г. Карасубазара Медиев.

Он и его группа подчеркнуто отмежевались от культуртрегерской группы Гаспринского.

---

[1] Из статьи Озенбашлы „Попытка критического взгляда на нашу прошедшую эпоху“, газета „Оку-Ишлери“. В той же статье приведены характерные стихи самого Гаспринского, являющиеся на наш взгляд личным свидетельством ограниченности его попыток и неудовлетворенности их результатами:

„Если б моя стрела попала в цель,
Если бы бег моего коня был первым,
Примчался бы Чора Батырь.
(но) Моя стрела в цель не попала,
Бег моего коня не был первым...
Скажи, что делать, Чора Батырь...

(Перевод Османовой)

Вот что говорит Медиев на юбилее 25-летнего существования газеты „Терджиман“:

„Тут, я вижу, присутствуют и лица инакомыслящие, чем Исмаил-Мурза. К таким инакомыслящим и верующим принадлежу и я. Я принадлежу к другой группе крымско-татарского народа. Будучи всецело предан исповедуемой этой группой идее, я во многом не согласен с тем, что проповедует „Терджиман“ и его редактор Исмаил Мурза в области вопросов чисто политических, и не только глубоко расхожусь, но быть может стою на полярно-противоположной точке зрения с ним по вопросам социально-экономическим“.[1]

В короткой своей речи, напечатанной на двух страницах, он в течение пяти раз повторяет свое несогласие, свои особые взгляды по вопросам социально-экономического порядка, отмежевываясь, таким образом, от группы Гаспринского.

Медиев был представителем другой группы, той группы, которая действительно отражала национально-революционные настроения части национальной буржуазии и трудящихся масс татарского населения.

Будучи учителем, развертывая борьбу за новую школу, Медиев не считал, что этим самым он разрешает весь узел противоречий. Он знал, под каким тяжким прессом кабалы находятся трудящиеся массы, знал о продолжающемся обезземелении татарского крестьянства, о его ужасающей культурной и экономической отсталости. К какой политической партии он официально принадлежал, установить не удалось. Отдельные его мысли и документы дают полное основание полагать, что он был связан с социалистами-революционерами,[2] а в последнее время в Москве на него несомненное влияние оказала социал-демократия.

Под руководством Медиева составлялась петиция от татарского населения в Государственную Думу. Эта петиция заслуживает особого внимания. Она является в своем роде программой. Вот как в ней характеризуется положение татар:

[1] Из личного архива Медиева. Набросок речи к 25-тилетию газеты „Терджиман“, сделанный самим Медиевым.

[2] В этом убеждает нас не только характер его выступлений, но и прокламации партии с.-р., найденные в его личном архиве, и одно явно конспиративное письмо о партийной сходке.

„Бедность наша бывает от того, что не все наши заработки остаются в собственных наших карманах, а переходят без всякой пользы для нас в разные чужие карманы: во-первых—в казну, во-вторых—к здешним богачам, помещикам и т. п. людям, на которых приходится работать многим из нас. Казна собирает с нас прямые и косвенные налоги, т. е. налоги на землю и налоги на разные товары, которые мы поэтому должны покупать по более дорогой цене (например: сахар, чай, спички, многие фабричные и заводские изделия). Кроме того, мы должны платить на содержание разного рода начальства. В нашем народе насчитывается теперь почти 50 тысяч безземельных, которые поэтому должны искать работы на стороне, жить в батраках-наемниках, работать на помещиков, потому что больше деваться некуда, и те притесняют нас. А тут же рядом есть и вакуфные, и выморочные, и казенные, и удельные, и помещичьи земли, которые спасли бы многих от бедности и нищеты, а теперь или пропадают без всякой пользы для народа, или приносят выгоду немногим людям в ущерб трудящемуся народу. Все здешние земли были когда-то землями татарского народа и все перешли в другие руки разными правдами и неправдами, и мы, татары, получили за них гроши или не получили вовсе ничего. Многие из нас были обмануты и не могли найти правды ни в каком суде“.[1]

Петиция говорит о налогах, акцизах, о том, что на вакуфных землях, от их эксплоатации нажито около миллиона рублей, что в селах спаивают татар, открывая казенные винные лавки, что из населения выжимают последнюю копейку.

„Но ведь для нас, как и для всякого трудящегося человека, каждая копейка дорога. А с нас, татар, собираются сотни тысяч и даже миллионы рублей. А что дают нам взамен? Нам дают грубых и своевольных начальников, которые делают с нами, что хотят, не справляясь ни с какими законами.[2]

---

[1] Из особой записки „В Государственную Думу — от татарского народа Крымского полуострова“. Карасубазар. Тип. Когана.

[2] Из той же Записки в Государственную Думу.

Как это не похоже на угоднические, унизительные заявления Гаспринского. Не менее резко выступает Медиев по отношению к местной власти — земству. Как учителю, ему прежде всего приходилось сталкиваться с земством по вопросу о школе. Вот что он пишет в официальной записке, адресованной земству:

„И после такого отношения земства к образованию татар, конечно, нечего теперь удивляться тому, что невежество и косность до того заедают татар, что они на точке перехода к деградации“.[1]

Медиев был прав в своем утверждении, что татарское население было на грани вырождения, об этом свидетельствуют статистические данные того же справочника Таврической губернии. В нем приведены данные о рождаемости и смертности населения с 1897 по 1913 год.

С 1897 по 1913 гг. родилось и умерло:

	Род.	Умерло	Прир. абс.	%%
Православных	75.519	37.603	37.916	2,45%
Лютер. вероисповедания .	2.803	1.194	1.611	2,34%
Евреев (иудейск.)	2.062	969	1.093	1,62%
Магометан	6.639	5.227	1.412	0,71%[2]

Таким образом, коренное татарское население стояло на грани вырождения. Среди других национальностей оно имело самый меньший прирост. По грамотности татары стояли на 15 месте (только цыгане имели еще меньшую грамотность), зато в отношении смертности, подверженности заболеваниям они стояли на одном из первых мест. Основную сумму этого неграмотного, нищего, почти вырождавшегося населения составляло крестьянство.

В цитированной же нами петиции земству вообще дана еще более резкая характеристика. „Что такое нынешнее земство? Его нынешнее устройство выгодно только для богатых людей, а не для трудящегося народа“.

---

[1] Из докладной записки Медиева XV собранию Перекопской земской управы от 5 сентября 1905 года, личный архив Медиева.

[2] Статистич. справочник Таврич. губ. за 1915 г. Под. ред. Андриевского Ф. Н.

Медиев был избран во вторую Государственную Думу и, судя по его архивным документам, играл очень видную роль в составе мусульманской группы 2-й Государственной Думы (был ее секретарем). Его выступление в этой Думе заслуживает особого внимания. Вот что говорил он в одном из заседаний Думы:

„Россия зиждется на рабочем и крестьянине. Крестьянин и рабочий — это главные колоссы, поддерживающие Россию. Крестьянин и рабочий — это та могучая сила, которая на месте старого здания России создаст новое роскошное здание новой свободной России. И вот перед глазами народных представителей эта могучая сила подтачивается голодовками и безработицей. Эта могучая сила разъедается... Всем знакома система развития этой безработицы, усилившейся благодаря развившимся в последнее время локаутам".

В архиве Медиева мы находим, кроме того, наброски речи по переселенческому вопросу, в которой он говорит: „На почве переселения разгорается антагонизм, и в азиатских владениях России начинается новая трагедия — позорные кровавые столкновения обездоленных туземцев с не менее обездоленными голодными переселенцами...

Наш долг, долг народных представителей, немедленно запросить гг. министров, куда ведет их политика, и заявить: довольно разжигать антагонизмы, нечего готовить новую трагедию в Азии, довольно с нас позора армяно-татарской резни в Закавказье..."[1]

Медиев представлял собой уже новый тип, тип национально-буржуазного революционера (с ярким эсеровским налетом), который смело поднимал свой голос в защиту угнетенной татарской нации. Он был наиболее яркой и действенной фигурой буржуазного национально-революционного движения. Группировавшиеся вокруг него единомышленники также пользовались большим влиянием. Кстати сказать, примыкал к ней убитый Али Боданинский и т. Идрисов, которые как бы кладут нить связи от Медиева к пролетарско-классовому движению революции 1917 года. Выступления в Думе, сме-

[1] Из рукописного наброска речи, найденного в личном архиве Медиева.

лые статьи в издаваемой Медиевым газете „Ватан-Хадими“ создали ему большую известность не только в Крыму, но и на многих других окраинах старой России, населенной национальными меньшинствами. В его личном архиве имеется ряд телеграмм, свидетельствующих о его популярности.

Настроения протеста в той или иной форме можно встретить (в зависимости от цензуры) во всех почти изданиях дореволюционного времени. Тяжесть национального гнета отражена в поэзии, песне, в прозе, в пословицах.

Там, где царская цензура не замечала их, эти настроения просачивались в легальную печать более ясно и резко, там где гнет цензуры был более тяжел, — мысль о национальной независимости, критика социального порядка высказывалась более осторожно. Вот одно из характерных стихотворений татарского поэта:

„Живет в лесу и не имеет для топки ни одного полена, около воды, но ни одного дня нет, чтобы он не сгорал от жажды. Сеет пшеницу, а для еды у него нет муки. Это—татары крымские, местные жители. Это мы, — сыновья этой родины. Нужна наука, нет денег, чтобы учиться. Язык связан, нет возможности, чтобы говорить: у него, кроме воздуха, ничего нет для пропитания. Это — татары крымские, местные жители. Это мы — сыновья своей родины. Ушли широкие земли тех времен, кончились пути для права жизни. Сегодняшний голод проглотил веселье тех дней. Это—татары крымские, местные жители. Это мы, сыновья этой родины. Тогда их было около полутора миллиона, а теперь очень мало, наберется двести тысяч душ и все-таки теперь многие не находят приюта. Это — татары крымские, местные жители. Это — мы, сыновья этой родины“.[1]

Видный деятель, впоследствии один из руководителей Курултая и активный руководитель Милли Фирка, Челебиев-Челебиджан писал (перевод с татарского):

„Клятву я дал перевязать раны татар,
Неужели, братья, наши татары должны погибнуть?
И видя их, если я не буду печалиться и горевать,
То мое сердце должно перестать биться.

[1] Стихи Усеина Токтаргазы. Издательство „Смена“. Карасубазар. 1910 г. Перевод Клычевой.

Я дал клятву смерти за нацию,
Я всегда готов утереть слезы нации,
Если не обращу внимания на то,
То сам буду великим ханом,
Пусть тогда хоронят меня могильщики".

Вся местная обстановка питала такие настроения, выращивала их. Но росту национально-революционного движения способствовали не одни только местные условия, хотя они бесспорно являлись решающими. Его в значительной мере питало то влияние, которое исходило из старой Турции. Влияние Турции сказывалось на протяжении очень долгого времени до революции; заметно оно сказывалось и после революции, а на отдельных слоях национальной буржуазии и буржуазной интеллигенции сказывается и сегодня. В Турции всегда жила идея объединения всех народностей, исповедывающих ислам, — идея панисламизма. Это движение представляет собою первую попытку зарождающейся национальной буржуазии противопоставить свои силы могучему напору европейского империализма на Востоке. В своем наступлении империализм „встречает эти первые зародыши национального сознания на мусульманском Востоке под оболочкой панисламизма, нарождение которого идет параллельно нарождению торговой буржуазии". [1]

Влияние торговой буржуазии тут переплетается с влияниями клерикальных клик старого Востока и сказывается то в более слабой, то более сильной степени во всех странах, населенных народами, исповедующими ислам. В Крыму, который тесно связан с Турцией своей многолетней эмиграцией, идея панисламизма была особенно сильна. По свидетельству контрреволюционного генерала Климовича, „изучавшего" этот вопрос в 1920 г. в Крыму с прямой целью подавления этого движения, — „главными проводниками идей панисламизма и национализма являлись татарские учителя, закончившие свое образование по преимуществу в турецких медресе и молодые муллы, зараженные уже материалистическим учением, стремившиеся к реформированию не только существовавшего социального порядка, но и религиозного учения и

[1] Бутев. Нац. рев. на Востоке. Изд. „Прибой", стр. 110—121. 1925 г.

питавшиеся приспособить последнее для службы соц. перевороту".[1]

Генерал явно дважды клевещет на учителей: они не знали материализма и не реформировали религиозное учение. Но генерал прав в том отношении, что учителя действительно были активными проводниками панисламизма наряду с частью мулл и всей массой национальной буржуазии.

Значительные слои учительства получили свое образование в Турции. Там они обычно обрабатывались крупными идеологами панисламизма и по возвращении на родину пытались развернуть практическую работу по распространению идей панисламизма в широких слоях татарского населения. Прежде всего такой обработке подвергались учащиеся школ. Их пытались сначала обработать, а потом использовать как агитаторов уже в более широких слоях населения. В архивах жандармского управления мы находим следующие интересные факты:

„Состоя учителем в Симферопольском училище „Руштие"... кроме чтения своего предмета, тайно посвящал учеников старших классов в историю Турции и бывшего Крымского ханства и агитировал среди них о необходимости крымским татарам восстановить бывшее ханство, которое должно отдаться под защиту турецкого султана, так как последний является халифом и естественным покровителем мусульман всего света. Эту же мысль... предлагал ученикам распространять и в народе по окончании ими учения и возвращении в свои деревни".[2]

Но не одни только учителя пропагандировали панисламизм. В отдельных слоях татарского населения возникали небольшие по численности тайные кружки, проводились сходки, вербовались новые сторонники, собирались деньги, распространялась панисламистская литература. В одном из документов мы находим решение отдельного корпуса жандармов об обыске у ряда лиц, „которые за последние годы вошли в состав преступного сообщества, поставившего целью

[1] Из докладной записки генерала Климовича о мусульманском движении от 1 октября 1920 г.

[2] Центроархив. Из донесения жандармск. управления от 15/IX 1911 г.

своей деятельности изгнание силой русского населения с Крымского полуострова с тем, чтобы образовать на нем, по примеру прошлых лет, самостоятельное Крымское ханство, для чего... собирались на партийные совещания, распространяли среди татарского населения печатные воззвания...“ [1]

Жандармерия решила, что самый верный способ убедить этих людей в преимуществе русской царской системы и „прекращения вредной их деятельности... содержание под стражей в симферопольской тюрьме“.

В документах того же жандармского управления имеются указания на существование кружков в Узенбашике, Чоргуне и др. деревнях. Работу кружков оживляли пришлые турецкие агенты. Они безбоязненно являлись в татарские деревни и там, в кофейнях или непосредственно у крестьян вели беседы о необходимости соединиться с Турцией, о создании великой исламии, объединяющей всех, исповедующих ислам, и т. д.

„Установлено, что в деревнях чаще стали появляться турки, предлагающие населению книги, картины и разные листки. Если раньше появление турок проходило в деревне малозамеченным, то в последнее время татары встречают их как желанных гостей, около них охотно собираются и слушают их речи“. [2]

В годы, предшествующие революции, проповедь панисламизма переплеталась со все более растущим влиянием пантюркизма. Младо-турецкий переворот в Турции (в 1908 г.) способствовал усилению пантюркизма на всех национальных окраинах.

Своего большего напряжения это влияние достигает в период мировой войны 1914 года. Союз Турции с могущественной Германией обещал победу, а следовательно усиление независимости, укрепление Турции как самостоятельного государства.

Вся совокупность условий — тяжелое экономическое положение основных трудовых масс татарского населения, их по-

[1] Центроархив. Из постан. Отд. корпуса жандармов. Дело № 127.

[2] Центроархив. Дело № 183. Донесение начальника жандармского управления от 27 июля 1911 года.

литическое бесправие, беззастенчивое, грубое администрирование всей царской системы, руссификаторская политика, с одной стороны, агитация турецких агентов, агитация учителей и просто отдельных лиц в пользу панисламизма и пантюркизма, агитация националистической татарской буржуазии, с другой,— все это подготовило бурный взмах национального движения в 1917 году. Митинги начала революции были особенно многолюдны и проходили с необычайным подъемом.

Соотношение классовых сил среди татарского населения накануне революции характеризуется следующим:

а) Большое влияние мурзачества, смыкающегося со всем аппаратом царского самодержавия и опирающегося, помимо того, на многочисленные кадры татарского духовенства и кулачества татарской деревни. Сюда же примыкала часть наиболее реакционной татарской торговой буржуазии. Социальным устремлением этих групп была ориентация на Турцию при одновременном требовании равноправия в деле экономической и политической эксплоатации трудящихся масс. Особенности Крыма, как курортного района, резко сказались на этой группе национальной буржуазии. Постоянное общение с царскими сатрапами, отдыхающими на южном берегу Крыма, царские подарки национальным организациям (подарки мечетям и пр.), раздача чинов и званий дворянства наиболее послушным и выслужившимся мурзакам,— все эти меры воздавали особую преданность царскому режиму со стороны этой группы национальной буржуазии, что в меньшей мере можно было наблюдать в других районах.

б) Довольно значительный слой мелкой национальной, главным образом, торговой буржуазии. К этой группе, наиболее резко чувствующей тяжесть конкуренции русского торгового капитала и потому настроенной враждебно ко всему русскому, примыкал слой национальной буржуазной интеллигенции.

в) Малочисленные кадры ремесленников — полупролетариев (Бахчисарай, Карасубазар) и еще меньший по численности слой рабочих, вкрапленных единицами в массы рабочих других национальностей, неорганизованных, не имеющих ни профессиональных, ни политических организаций.

При слабости пролетарских кадров в Крыму вообще, при территориальной оторванности (татарские рабочие, главным образом, были в Карасубазаре, Бахчисарае, Феодосии, Старом Крыму) и наличии языковых особенностей — татарская национальная буржуазия имела большое влияние на эти небольшие группки рабочих.

г) Подавляющей частью татарского населения была безземельная татарская беднота, составлявшая 50% крестьянства, и середняки. В сложном национальном переплете, под гнетом все усиливающейся нищеты — под влиянием руководителей национальной буржуазии — значительная часть крестьянства все причины своего тяжелого положения видела в несправедливом хозяйничаньи русских. Революционные выпады против „своих" угнетателей наблюдались задолго до революции, но они сравнительно немногочисленны, и буржуазия умело перекрывала эти классовые противоречия национальными.

Что классовая дифференциация среди крестьянства была достаточно резкая, об этом свидетельствует обследование деревень Туак и Ускут, проведенное еще в 1903 году статистическим бюро Таврического земства. Вот какие выводы сделаны комиссией:[1]

1. „Положение обследованных деревень должно признать очень плохим".

2. „Поселяне обеих деревень делятся на группы по различной состоятельности; но за исключением лишь очень небольшого числа богатых хозяйств, имеющих большие площади земли и большие участки виноградников, садов и табачных плантаций, все слои населения и Ускута и Туака совершенно не обеспечены и не могут быть уверены в завтрашнем дне".

Механика взаимоотношений накануне революции представляла следующую картину: национальная буржуазия возглавляла движение за национальную независимость против русского самодержавия, против русской буржуазии, одновременно всемерно используя национальный переплет для сгла-

[1] „Туак и Ускут" — 1903 г., Изд. Стат. бюро Таврического губернского земства.

живания классовых противоречий среди татарского населения. Малочисленный пролетариат и трудовые слои крестьянства (бедняки и середняки), смыкаясь с этой группой в деле освобождения от национального гнета, хотя и имели свои классовые задачи — освобождение от эксплоатации и „своих", и русских помещиков и буржуазии, но не представляли собой сплоченной организованной силы; они шли за национальной буржуазией. В годы перед революцией в Крыму не было самостоятельных выступлений, подобных восстанию в Средней Азии (в связи с мобилизацией на фронт империалистической войны), ни со стороны тонкого слоя ремесленников, ни со стороны бедноты и батрачества. Царская статистика не дает цифр, которые могли бы быть использованы для установления численности каждой классовой группы.

В 1915 году общая численность населения в Крыму была равна 649.523 чел. Удельный вес татарского населения по районам колебался от 23,5% до 58,7%:

	Население татарское в %	Русское в %
Евпаторийский уезд	40,5%	39%
Перекопский „	23,5%	45,3%
Симферопольский „	41,8%	37,7%
Ялтинский „	58,7%	30,2%
Феодосийский „	37,2%	42,2%

Старая статистика по роду занятий не выделяла сведений о татарах. Некоторое представление о численности татарского крестьянства дают следующие сведения о разбивке населения бывш. Таврич. губернии по роду занятий за 1915 г.:

1. Дворян потомственных и личных	0,76%
2. Лиц духовного звания	0,78%
3. Почетных граждан и купцов	0,68%
4. Крестьян и проч. лиц сельских сословий	83,71%
5. Мещан	11,97%
6. Иностранцев	1,32%
7. Прочих	0,78% [1]

Надо полагать, что из этой общей массы населения Крымского полуострова — удельный вес крестьян среди татарского населения был еще больше 83,7%.

[1] Статистический справочник Таврической губернии за 1915 год.

Грубое распределение татарского крестьянства по основным классовым прослойкам перед революцией сводилось к следующему: до 40-50% безземельной бедноты, от 12 до 15% кулачества и остальная масса — средние по обеспеченности хозяйства.

Некоторое представление о численности кулачества дает следующая таблица о найме рабочих в с. хозяйстве:

Хозяйства без наемных лиц	155.528	хоз.	87,70%	
„ с 1 наемн. лицом	13.904	„	7,84%	12,3%
„ с 2—3 „ „	6.261	„	3,53%	
„ с 4—5 „ „	1.030	„	0,58%	
„ с 6—10 „ „	456	„	0,26%	
„ с 11 и более „	157	„	0,09%	
	177 336	„	100% [1]	

Что касается рабочей прослойки, то она была чрезвычайно незначительна. Несколько мелких кустарных заводиков-мастерских в Карасубазаре и Бахчисарае, очень немногочисленные группы татарских рабочих, вкрапленных среди рабочих других городов — и это все. Некоторое представление о численности татарских рабочих дают следующие материалы о промышленных заведениях:

	Число фабрик и заводов	Число рабочих
Симферопольский у.	64	461
Бахчисарай	16	174
Карасубазар	18	97
Феодосия	52	644
Старый Крым	2	10
Евпатория	10	137
	168	1.518

Несомненно, в последние перед революцией годы количество рабочих выросло, предприятия укрупнились, но удельный вес татар рабочих был попрежнему невелик. Главным местом средоточия их были попрежнему Бахчисарай и Карасубазар.

Зато достаточно многочисленным был слой мелкой национальной буржуазии в городах и курортных местностях: мел-

[1] Статистический справочник Таврической губернии за 1915 год.

кие и крупные торговцы, кофейнщики, мелкие заводчики. К этому еще необходимо прибавить значительное число татарских помещиков.

И над всем этим большая по своей численности разветвленная система государственных органов царского насилия: 14 пунктов земских начальников, 15 пунктов становых полицейских приставов, 46 урядницких пунктов, до десятка прокурорских участков, 9 судебных участков, 22 мировых судьи и 116 церковных приходов, плюс сеть жандармских управлений и сеть тайного сыска. Это был достаточно сильный, хорошо разветвленный, послушный, вымуштрованный аппарат, обеспечивающий, казалось бы, от всякого потрясения основ. Он обеспечивал „мирное“ хозяйничанье буржуазии, дальнейшее обезземеление татарского и русского крестьянства и „мирную“ мобилизацию земельной собственности в руках русской буржуазии и помещиков.

III. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИЛЛИ ФИРКА И ПЕРВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ С СОВЕТАМИ

В первые месяцы февральской революции национальные массы были объединены одним лозунгом — лозунгом национальной независимости.

Классовые противоречия, особенно в первое время под влиянием националистической агитации, не находили резкого выражения. Под лозунгом национальной независимости Милли Фирка, возникшая в июле 1917 года, и сплотила вокруг себя татарскую буржуазию, татарскую буржуазную интеллигенцию, кулачество и значительные слои крестьянства. Основную группу этой партии составляли лица, организовавшиеся еще в Турции в особый полуземляческий, полуполитический кружок „Джемиэт-Хайриэ"—иначе говоря, благотворительное общество. Во главе этого общества стояли — Челебиджан-Челебиев, Джафер Сейдамет, Одобаш и друг. В другом документе мы находим указание, что объединения крымцев существовали в Ангоре и Эски-Шегере. Существовали они нелегально и одной из задач ставили помощь группировкам, находящимся в Крыму.

Революция 1917 года расценивалась ими, как факт, который дает широкую возможность работы в пользу Турции, и в Крым направляется целая группа лиц, в том числе — Челебиев, Сейдамет Джафер и другие. Вот эти-то лица и являются организаторами Милли Фирка. Организационное оформление произошло в июле месяце 1917 года. В состав центрального комитета вошли: Челебиев-Челебиджан, Сейдамет Джафер, Хаттатов, Хильми, Озенбашлы, Айвазов, Аблаев (позднее вошли и другие). Падение самодержавия расценивалось, как возможность осуществить, наконец,

Члены Курултая. В центре члены Ц. К. Милли Фирка—Челебиев, Хаттатов и Айвазов (г. Бахчисарай).

национальную независимость (при господстве национальной буржуазии), освободиться от того экономического и политического гнета, который давил в течение более чем столетия. Развертывающиеся события, казалось, открывали в этом отношении широкие перспективы.

Националисты рассуждали, примерно, так: надо организовать национальные массы, сплотить их вокруг четких политических лозунгов, найти какие-то организационные формы сплочения.

Партия вырабатывает и принимает программу, которая и явилась основой такого сплочения. Сущность этого первого[1] варианта программы по основным вопросам сводится к следующему:

1. Существование нации мыслится, как независимое государственное объединение, являющееся частью федерации др. государственных объединений (Татпартия только признает федеративную демократическую республику) (§ 4, раздел II).

2. Партия требует полного равноправия и не признает „классового деления" общества.

3. Партия требует — „права воспитания татнации в национальном духе" (разд. 1, § а).

4. Партия требует передачи казенных и удельных земель общинам, в которых всякий обрабатывает столько, сколько имеет „способности ее обработать". Помещичьи земли, вакуфные — остаются в руках старых их пользователей.[2]

Дальше программа наивно спутывает собственные задачи с задачами вновь образуемого Временного крымского мусульманского исполнительного комитета, излагает его задачи, его построение в центре и на местах и т. д. (что, кстати сказать, свидетельствует об очень тесной увязке партии с Мусисполкомом).

Вновь организованная партия и становится во главе национально-буржуазного движения, причем сразу же занимает

---

[1] Позднее была разработана другая программа, более обширная, включающая ряд моментов, непредусмотренных в первом наброске. Текст этой программы см. в конце брошюры.

[2] Краткий анализ основных положений программы Милли Фирка дан в конце брошюры по второму подробному варианту программы.

политически четкую, контрреволюционную позицию по отношению к Советам. Она ставит своей целью организацию независимого национально-буржуазного государственного объединения. Усилия Милли Фирка в этот период сводились к тому, чтобы задержать развитие революции на ее буржуазно-демократическом этапе. Партия боролась плечо к плечу с русской контрреволюцией против надвигающегося социалистического переворота — против диктатуры рабочего класса. Будучи партией национальной буржуазии, она не могла поступать иначе.

Партия в полной мере несет и должна нести ответственность за, так называемое, курултаевское движение в целом, т. е. за действия национально-буржуазного правительства, созданного сразу после февральской революции.

В марте месяце 1917 года, когда в Симферополе был созван первый Всекрымский мусульманский съезд, — партии официально еще не существовало. И все же партия в полной мере ответственна за деятельность Мусульманского исполнительного комитета, который создан этим съездом. Ответственна, во-первых, потому, что руководителем Мусисполкома был избран Челебиев и ряд других лиц, членов Ц. К. Милли Фирка. И, во-вторых, потому, что деятельность Мусисполкома в полной мере отвечает всем программным требованиям партии. Это подтверждают и руководители национально-буржуазного движения. Вот что говорит Челебиев на Крымско-татарском делегатском съезде в октябре 1917 года:

„К 25 марта этот народ с редким и необычайным единством сорганизовал Центральный крымско-мусульманский исполнительный комитет, которому и поручил ведение национальных дел. С 5 апреля фактически все дела крымских татар перешли в руки комитета. Комитет тогда же предначертал определенный путь, по которому он должен был идти до настоящего съезда. Путь этот определяется программой татарской партии“.[1]

[1] Речь Челебиева на Крымском татарск. делегат. съезде, открывш. 1/X—1917 г. „Революц. и нац. вопрос“, т. III, изд. Ком. Акад.

Что же дала Милли Фирка татарским трудовым массам в итоге деятельности возглавляемого ею первого съезда и работы его выборного органа, исполкома? Она дала выборного муфтия в лице Челебиева, она создала организацию для объединения широких национальных масс и толкнула их на борьбу с надвигающимся Октябрьским переворотом. Она декларировала всяческие „свободы" в своей программе; в той или иной степени она отразила их в решениях исполкома, но 87.614 десятин вакуфной земли она не передала крестьянству, безземельному, нищему, национальному крестьянству. Эту землю она решила сдавать в аренду. Она, кроме того, целиком сохранила в своих руках 800.000 рублей, награбленных с крестьян за аренду этой земли. Она ничего не дала трудовым массам в деле разрешения основных социальных вопросов.

Челебиев подтверждает, что усилия Мусисполкома с марта месяца были направлены на:

„1) объединение крымско-татарского народа, организацию местных комитетов и подготовку татар к учредительному собранию, 2) реорганизацию духовного правления и управления вакуфами и 3) коренную реформу школьно-воспитательного дела крымских татар".[1]

Ничего нового не дал и делегатский съезд, созванный Мусульманским исполнительным комитетом в октябре 1917 года. Он лишь еще в большей мере связал по директиве М. Ф. татарскую буржуазию с русской контрреволюцией.

Нельзя, однако, не остановиться несколько подробнее на работе Курултая, созванного в конце 1917 года. Партия тщательно работала над его подготовкой и обеспечила такой состав, который со 100⁰/₀ точностью проводил ее программные положения по всем основным вопросам.

Вопрос о власти был основным вопросом дня. В центре Советского Союза он был уже решен в результате победы рабочего класса. Национальная татарская буржуазия могла, таким образом, учесть опыт борьбы, лучше оценить обстановку. Как решает Курултай этот вопрос? Он высказывается

[1] Речь Челебиева на Крымско-тат. делег. съезде, открывш. 1/X—17 г. „Революция и нац. вопрос", т. III, изд. Ком. Акад.

за самую удобную форму буржуазно-демократической власти — за систему парламентаризма; за систему, призванную всюду осуществлять диктатуру буржуазии при видимости всех и всяческих свобод. Милли Фирка решает этот вопрос так:

„Курултай признает, что осуществление национальных идеалов возможно только изданием законов, выявляющих истинную волю народа и урегулирующих вопросы во всех областях жизни татарской нации, и считает необходимым постоянное осуществление периодически избираемого мужским и женским населением на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права Крымского парламента, при котором татарский народ на вечные времена получил бы возможность сам устраивать свою жизнь и решать свою судьбу“.[1]

Иначе говоря, диктатуре пролетариата противопоставлялась диктатура буржуазии.

Незначительная по своей численности и слабая по своему политическому влиянию и стойкости, „левая“ Курултая, возглавляемая Боданинским и другими, при таком решении вопроса о власти уже в процессе работы Курултая видела в лице Джафер Сейдамета диктатора и угрожающе называла его Николаем II. Но она не выступила с другими четкими политическими лозунгами и, получивши решительный отпор, замолчала. Насколько решителен был этот отпор, можно судить по содержанию тех статей, которые печатались в это время в „Миллете“. Эта газета пыталась замазать классовые разногласия, которые давали себя знать на каждом шагу, и грозила расправой лицам, которые пытаются использовывать эти разногласия:

„... тем, кто, прикрываясь разными цветами, среди вас разжигает вам фантазии, желая вас восстановить против национальной власти, всем им тоже даст нация надлежащий ответ. Мы верим в то, что своей национальной волей крымская татарская нация... закроет рот злонамеренным личностям, которые работают то здесь, то там. В противном случае они в скором времени понесут свое наказание“.[2]

[1] Из текста „Крымско-татарских основных законов, § 2“.

[2] Газета „Миллет“ № 137, 25/XII—1917 г.

И, несомненно, при большей решительности „левой“, при ее последовательности она была бы изолирована от влияния на массы, независимо от того, какие бы меры надо было применить для этого.

Как решает Курултай вопрос о земле? Это был второй по важности вопрос. Крестьянство уже начало захват помещичьих земель. Руководители национально-буржуазного движения знали это. Чтобы предотвратить этот процесс, было вынесено такое решение: „Курултай признает, что вопросы, относящиеся к жизни края, как финансовые, политические и земельные, могут быть решены только крымским учредительным собранием после созыва такового“.[1]

Члены ЦК Милли Фирка (слева направо): Хаттатов, А. С. Айвазов, Ч. Челебиев, Д. Сейдамет (Бахчисарай).

Решение земельного вопроса этим самым откладывалось на самое неопределенное будущее. Больше того, даже те земли, которыми фактически уже распоряжался Мусисполком—вакуфные земли,—даже их Курултай не решился передать татарскому крестьянству. По решению Курултая они должны были находиться в распоряжении дирекции финансов и составлять основной источник дохода правительства.

„Дирекция финансов и вакуфов ведает национальными налогами; составляет роспись доходов и расходов националь-

[1] Крым.-тат. основные законы, § 13.

ного правительства, которую представляет на утверждение парламента.

При дирекции учреждается отдел, который заботится об улучшении положения вакуфов и о поднятии культурно-экономического уровня татар, живущих на вакуфных землях".[1]

Надо ли говорить, что это был еще один неоплаченный вексель национальной буржуазии?

Одно из заседаний Курултая под председательством члена ЦК Милли Фирка Челебиева (Бахчисарай).

Таким образом, по двум важнейшим вопросам, как и по ряду других второстепенных, Курултай повторял „зады" русской буржуазии. Работа Курултая с большой ясностью вскрыла классовое содержание стремлений национальной буржуазии.

Шло собирание пролетарских сил, подготовка к Октябрьскому перевороту в Крыму. Большевики развертывали широкую работу по революционизированию масс, их организации, вели энергичную пропаганду за захват власти. И именно большевики декларировали наиболее ясную, удовлетворяющую широкие трудящиеся массы, программу по национальному вопросу. Казалось бы, „революционеры" из Милли

[1] Там же, § 8, п. „в".

Фирка должны были быть удовлетворены этим. Однако, партия заняла враждебную, контрреволюционную позицию в отношении к надвигающемуся пролетарскому перевороту в Крыму. Как известно, захват власти большевиками в Крыму произошел значительно позднее, поэтому миллифирковцы имели возможность и наблюдать развернувшуюся в пролетарских центрах борьбу, и подготовиться к ней. Вот как рисует партия общее состояние в стране после Октябрьского переворота, как она ориентирует массы:

„В настоящее время государства нет, законов нет, порядка нет... В стране нарушены мир и спокойствие. Порядок вырван с корнем, каждый поступает так, как умеет“...[1] „На фронте и внутри страны под флагом большевизма творится ряд несправедливостей, арестовываются безвинные люди. Много людей казнены без суда, посягают на свободу личности, грабят дома, громят магазины. Всем известно, какие кровавые, огненные периоды, трагические страницы провела Россия под флагом большевизма“.[2]

Эта газета „Миллет“ являлась боевым партийным органом Милли Фирка и редактировалась членом центрального комитета партии Асан-Сабри Айвазовым. Она изо дня в день вела травлю большевиков, систематически повторяла вслед за русскими белогвардейцами всю ту безобразную ложь, на которую были способны взбесившиеся буржуа. Газета мобилизовала массы вокруг лозунга борьбы с большевиками:

„Мы не допустим, чтобы в нашем Крыму появились вспыхнувшие в России и окружившие ее большевистские и анархистские отряды. Пусть погибнут и анархисты, и та темная сила, которая хочет растоптать своими ногами наших отцов и матерей“...[3]

И действительно, миллифирковцы на всем протяжении своей деятельности энергично и последовательно проводили свою линию. Они настойчиво добивались и в конце концов добились ввода в Крым с фронта татарских военных частей,

---

[1] Газета „Миллет“ № 101 от 10/XI—1917 г. Из статьи Асан-Сабри Айвазова.

[2] Газета „Миллет“ № 135 от 23/XII—1917 г. Передовая статья.

[3] Газета „Миллет“ от 26/XI—1917 г., № 114.

они много уделили внимания на ционалистической пропаганде среди эскадронцев. А в период разброда, развала „демократической“ буржуазной власти в Крыму, созданной миллифирковцами, Мусульманский исполнительный комитет являлся одно время основной реальной силой, которая противопоставлялась большевикам. Этот Мусисполком, через военно-революционный штаб, руководил татарскими конными эскадронами, вокруг него же группировалось до 2.000 человек белогвардейского контрреволюционного офицерства.

Военный „министр“ национально-буржуазного правительства — Джафер Сейдамет (слева).
Глава национального правительства и крымский муфтий—сын джанкойского помещика Челибиджан-Челебиев (справа). Снимок сделан в Бахчисарае, в Ханском дворце.

Надвигающаяся опасность Октябрьского переворота в Крыму сплотила вокруг этого штаба все „живые силы“ контрреволюции. Разногласия, которые до конца 1917 г. существовали между вновь созданным татарским правительством и, так называемым, Советом народных представителей, временно сгладились, и произошло некоторое распределение функций между ними: штаб возглавил контрреволюционную борьбу с большевиками, опираясь на татарские конные эскадроны и офицерство; Совет народных представителей занялся делами мирного хозяйственно-культурного порядка. Вот что говорит по этому поводу один из участников борьбы т. Гавен: „Естественно, что тот союз,

который был заключен между Советом народных представителей и татарским правительством, этот союз был неискренним, но он был заключен благодаря натиску большевиков. В чем заключался этот союз? Все функции власти перешли Крымскому правительству, а Совет народных представителей превратился как бы в губернскую продовольственную управу... Ему были подчинены только хозяйственные вопросы, а вопросы политические, вопросы создания вооруженной силы перешли к Крымскому татарскому правительству".[1]

Они же на снимке, предназначенном для масс.

Правительство Курултая под руководством Милли Фирка, возглавляемой в первое время Челебиевым,[2] и возглавляет борьбу всех слоев буржуазии против большевиков.

Перед началом вооруженной борьбы, которая надвигалась с неизбежностью (это было очевидно для обеих сторон),

---

[1] Истпарт Крым. ОК ВКП(б). Из воспоминаний т. Гавена, одного из руководителей и участников борьбы с контрреволюцией в. Крыму.

[2] „Челебиев был сын помещика Перекопского уезда, беспощадно эксплоатировавшего татарскую бедноту, которой он сдавал свою землю на скопщину. Он получил образование в Константинополе — где окончил юридический факультет, учился в Ленинградском университете, потом поступил вольноопределяющимся царской армии во время империалистической войны" (из раб. Елагина. „Национальные иллюзии крымских татар).

представитель большевиков имел беседу с Челебиевым, в которой говорил о необходимости обезоружить офицеров, группирующихся вокруг штаба. На это он получил категорический отказ, ибо Челебиев видел, что главной организующей силой татарских вооруженных частей в смысле превращения их в опору контрреволюции было кадровое офицерство, поэтому „разоружить его, — говорил он, — это все равно — отнять у нас душу, это значит дезорганизовать армию. Мы знаем, что это значит: вы хотите арестовать кадровое офицерство и через два дня от эскадрона останутся рожки да ножки“.[1]

На предложение о разоружении Курултаевское правительство ответило попыткой разоружить революцию. Началась усиленная подготовка населения путем энергичной агитации через орган партии „Миллет“, в котором ежедневно печатались материалы о „варварах“-большевиках, запугивания широких масс „зверствами“, которые творятся большевиками. Шла устная агитация по татарским деревням, куда были брошены миллифирковцами специальные агитаторы. Шла подготовка воинских частей, в которых выступал „военный министр“ Сейдамет.

Вот как передает его выступление один турецкий журнал:

„... После присяги военный министр произнес следующую речь: „Товарищи, сегодня крымские солдаты впервые приняли присягу верой и правдой служить своей родине, своей нации и подчиниться своим основным законам. Когда громадная русская империя горит от анархии, когда из 170 миллионов русского населения хотя бы 50 человек не гарантированы от опасностей, когда во всех частях ее происходят грабежи, убийства и преступления, когда все части России залиты кровью, когда личные права и культура российских граждан топчется под ногами, крымские мусульмане в Крыму поддерживают и защищают общий мир и спокойствие и не дают Крым и крымцев топтать под ногами.

Вот почему сегодня крымец будет защищать не только свои интересы, но и интересы всех крымцев. В то же время

[1] Из воспоминаний одного из участников переговоров. Архив Истпарта ОК ВКП(б).

он думает и о колыбели турко-татарского мира — Туркестане и о приволжских районах. Он считает своим идеалом и туда дать дух и жизнь“.[1]

Другой член Ц. К. Милли Фирка Челебиев в таком же точно направлении агитировал среди населения. Вот одно из подобных выступлений его на большом митинге в Бахчисарае: он говорит, мы —

„Решили освободить Крым от анархии. Чтобы спасти Крым от гражданской войны, защитить жизнь и имущество крымцев... 30 октября мы создали Крымский военно-революционный комитет и объявили анархии официальную войну. Мы твердо уверены, что из этого доблестного боя мы выйдем победителями ... Долой централизм, да здравствует децентрализм...[2]

Уверенность в победе была преждевременна, но декларации о национальной независимости, истерика о „зверствах“ большевиков мешали татарскому крестьянству правильно ориентироваться. Опутанное националистической пропагандой, оно всё же местами уходило из-под влияния миллифирковцев и начинало по-своему, по-революционному разрешать основной наболевший земельный вопрос.

В отдельных районах начался захват помещичьих земель, захват имений. Наиболее энергично это проходило в Феодосийском районе. Как на это реагирует Милли Фирка и ее правительство. Они посылают туда карательные отряды из эскадронцев и те наводят „порядок“: отбирают помещичье имущество и расстреливают крестьян.

Вот что пишет тов. Михалько о карательной „работе“ эскадронцев в Феодосийском районе:

„В то время прибывшие два эскадрона татар нас разогнали. Татарские эскадроны прибыли приблизительно в ноябре для восстановления порядка, так как окрестные села занимались дележкой помещичьих земель (имение Граматюка, итальянского консула и др.“.

---

[1] Журнал „Крым Меджмуасы“ № 3 (Константинополь, 1918 г.).

[2] Журнал „Крым Меджмуасы“ № 4 13/VI — 1918 г. Речь Челебиева на открытии Ханского музея в Бахчисарае в 1917 г.

„... Выгоняли крестьян из экономий, вывозили помещичье имущество, и поэтому крестьяне были очень обозлены на татарские части в Феодосийском уезде".[1]

Не раз высылали миллифирковцы своих агитаторов и военные части и в другие районы.

Конфликт между тем назревал. Революционный подъем масс тревожил миллифирковцев. Они знали, что и в Крыму близится Октябрьский переворот и надо действовать. Прежде всего надо было разоружить революционные массы. Именно на этой почве начались вооруженные столкновения. Сначала Джафер Сейдаметов пытается разоружить Евпаторию. Этим начинается целая полоса вооруженных столкновений между эскадронцами и красными революционными частями: в Евпатории, Ялте, Феодосии, Керчи, где миллифирковцы пытаются захватить власть в свои руки.[2] Всюду они наталкивались на энергичное сопротивление, а главное — на революционную поддержку революционных частей со стороны Севастополя. И тогда „военный министр" Д. Сейдаметов делает последнюю решительную попытку покончить с революционным Севастополем. Он шлет революционному Севастополю предложение о разоружении и начинает со своими эскадронцами наступление, закончившееся 12 января 1918 г. позорным разгромом и бегством Д. Сейдаметова на ст. Сюрень и Альма.

„Отступать на север нельзя было не только потому, что в Симферополе власть уже перешла к Совету, но и потому, что в это время в Джанкое стоял отряд матросов... Джафер Сейдамет бежал, оставив части на произвол судьбы. Часть национального правительства была арестована".[3]

Так закончился первый, наибольший по времени период „положительной" работы миллифирковцев. Уместно поэтому подвести основные итоги их деятельности. Они начали с борьбы за национальную независимость в рамках буржуазно-

---

[1] Из воспоминаний т. Михалько, рабочего г. Николаева, участника событий (Архив Истпарта ОК ВКП(б).

[2] Смотри работу Бунегина. Революция и гражданская война в Крыму, изд. Крымгосиздата.

[3] Бунегин. Революция и гражд. война в Крыму, стр. 116.

капиталистического государства; борьбы с пережитками феодализма в форме уничтожения сословных привилегий, реформы школы и ее освобождения от наиболее уродливых форм клерикализма; они расчищали путь для широкого хозяйничанья своего класса — буржуазии.

Дальше этого они не пошли и не могли пойти, иначе они не были бы партией национальной буржуазии.

Они не дали земли крымскому крестьянству и, наоборот, всячески защищали интересы помещиков в этом вопросе. Они глухи были к нуждам промышленных рабочих и не пошли в своей программе дальше бессодержательных пунктов об охране труда. Они контактировали свою работу с контрреволюционной украинской радой и контрреволюционной властью русской буржуазии в Крыму. Они планомерно подготовились к вооруженной борьбе с Советами, возглавили эту борьбу, развернули ее по всему фронту полуострова от Керчи до Евпатории и были разбиты. Таким образом, на первом, наиболее значительном этапе Милли Фирка со всей полнотой обнаружила свою контрреволюционную буржуазную сущность. Она показала, что ее интересы — это интересы буржуазии и помещиков, за которые она боролась с революционным рабочим классом и трудовым крестьянством.

Эта линия поведения Милли Фирка, начиная с февраля 1917 года до 18 января 1918 года, обусловила отход от нее части национально-революционной интеллигенции, а также некоторое уяснение ее политических целей и отход большей части трудовых масс татарского населения, основных слоев крестьянства — бедноты и середняков.

Уже на этом первом этапе партия начала терять свои основные кадры: это было начало превращения массовой национально-буржуазной контрреволюционной партии в группку людей, не имеющих никакой поддержки масс.

Однако, влияние партии, спекулирующей на национальном моменте, с целью перекрытия этим классовых противоречий, отыгрывающейся на декларативной борьбе с мурзачеством и муллами, в этот период было еще значительно.

IV. ВТОРОЙ ЭТАП БОРЬБЫ С СОВЕТАМИ И КРАХ НАЦИОНАЛЬНО-БУРЖУАЗНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Но, может быть, после военного разгрома в январе 1918 г., после того как практика работы Советов дала возможность ближе познакомиться с лозунгами и практикой большевиков, может быть, после этого изменилась ориентация Милли Фирка?

Татарский парламент был разогнан, некоторые его члены арестованы и только позднее освобождены. Немногочисленная группа, составлявшая левое крыло парламента, пошла на сотрудничество с Советами (Леманов и др.). Основное же ядро Милли Фирка продолжало свою борьбу с Советами.

„С февраля месяца, скрываясь в деревнях, националисты повели организационную работу, подготовляя восстание против Советов. Привлекая на свою сторону кулацкую верхушку деревни, националисты создавали ячейки. Количественно они были весьма невелики, влияние националистов особенно чувствовалось в деревнях Ялтинского и Алуштинского районов".[1]

Эта подрывная работа велась все время, вплоть до прихода в Крым германской армии. Политическая линия партии не была изменена в результате неудачи. Принципиальная оценка всей политической обстановки осталась прежней. Вот что говорит об этом периоде работы Милли Фирка член ее ЦК, редактор „Миллета"— А. С. Айвазов:[2]

„В то время, когда Украина объявила свою самостоятельность, возникло в Петербурге большевистское движение. Зная, что в свое время это движение может дойти до Крыма,

[1] Бунегин. Революция и гражд. война в Крыму, стр. 140.

[2] Это интервью Асан-Çабри Айвазова напечатано в константинопольской газете „Ихдом".

осторожно против этого темного течения были собраны в Крыму наши войска. Собранное нами учредительное собрание, в количестве 79 человек, получило звание парламента. До 10 числа прошлого декабря или января крымские турки были хозяевами положения. Мы, оградив себя от большевизма, боролись с ним. Но из-за измены прочего населения мы были побеждены, и поэтому в стране около 3-х месяцев продолжалась анархия, и преступления следовали одно за другим. Наконец, это преступление прекратилось с прибытием в Крым германцев".

Милли Фирка помогала русской буржуазии в борьбе с большевиками, она с 14 января до конца апреля 1918 года оставалась верной своему союзнику. Подготовляя восстания в татарских деревнях, миллифирковцы этот небольшой отрезок времени своей контрреволюционной работы закончили позорнейшим кровавым фактом расстрела Совнаркома и ЦИКа Республики Тавриды.

„Весь состав Совнаркома был арестован татарскими буржуазными националистами у деревни Биюк-Ламбат (между Ялтой и Алуштой). Националисты были не одни... им удалось темное, неграмотное крестьянство деревень Шумы, Демерджи, Корбеклы, Кучук-Узеня, Кизильташа и некоторых других увлечь в Алушту...[1]

Там, в Алуште, 24 апреля 1918 года, в момент прихода немецких оккупационных войск, националисты „отомстили" большевикам расстрелом всего состава правительства Тавриды. Они, таким образом, еще раз показали свою верность делу контрреволюции и приготовили хороший сюрприз вступающему в Крым германскому империализму. Надо же было показать, что мы тоже не бездействовали, что мы по мере сил помогали установлению „порядка" в Крыму, что, будучи в подполье, скрываясь от варваров-большевиков, работали на пользу контрреволюции, не покладая рук.

С первых дней прихода немецких оккупационных войск миллифирковцы вылезли из своих нор, громко заявляя о своих подвигах, совершенных в защиту цивилизации, снова

---

[1] Из работы Бунегина. Революция и гражданская война в Крыму.

вытащили на свет старое оружие — одурачивания широких трудящихся масс татарского населения — лозунг о национально-буржуазной независимости.

Немецкое командование с большой готовностью ухватилось за националистов. Необходима была „суверенная“ ширма для ограбления Крыма (вывоз продовольствия и других ценностей). Миллифирковцы создают новое правительство под руководством Сулькевича. В его состав входил Д. Сейдаметов и другие миллифирковцы.

Новое правительство мало чем отличалось от обычных контрреволюционных буржуазных правительств того времени. Разве только большей жестокостью в отношении к крестьянам и рабочим, так как возглавлял его полковник Сулькевич. Оно ориентировалось на Турцию и Германию. В Турцию был послан послом Асан-Сабри Айвазов, который и выступал там от имени татарского народа.

Германскому кайзеру была послана пространная петиция, врученная Джафер Сейдаметовым. На этой петиции необходимо остановиться потому, что она являлась своеобразной программой вновь намеченного правительства. Прежде всего в петиции перечислялись заслуги националистов в деле борьбы с большевизмом:

„Опираясь на 3.000 татарскую армию... удалось... образовать правительство... взяли на себя защиту и управление как татарами, так и другими народностями, населяющими Крым; до 13 января 1918 года... удалось предотвратить в Крыму как аграрные, так и другие беспорядки. В конце концов в борьбе за свои идеалы они были побеждены в 7-8 раз сильнейшими черноморскими войсками большевиков“.

Просьба же в основном сводилась к поддержке основного мероприятия Милли Фирка — организации независимого ханства под „высоким“ протекторатом Германии и Турции. Ничему не научившись в процессе борьбы, миллифирковцы выставили открыто этот старый реакционный лозунг основным и первым своим трабованием: „... следует признать необходимым, чтобы нижеследующие основные положения политической жизни Крыма были осуществлены: 1) преобразование Крыма в независимое нейтральное ханство,

опираясь на германскую и турецкую политику; 2) достижение признания независимого Крымского ханства в Германии и ее союзниками и в нейтральных странах до заключения всеобщего мира; 3) образование татарского правительства в Крыму с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских..."[1]

Это было время, когда германские войска захватили не только Крым, но и Украину, когда на Западе они еще не были разбиты союзниками, и Милли Фирка рассчитывала, что ее требования по ряду соображений действительно могут быть приняты правительством кайзера. Расчет, однако, оказался ошибочным по двум причинам: германское командование предпочитало опираться на всем Юге России на одно компактное государственное объединение, возглавляемое Украинской Радой, и толкало миллифирковцев на сближение с ней. Во-вторых, потому, что Германия позднее была разбита и не смогла помочь Милли Фирка в организации „независимого" ханства.

Германское командование настаивало на переговорах с Украиной, и правительством Сулькевича была выделена особая комиссия для переговоров. Переговоры эти ни к чему, однако, не привели, так как там ни о каком ханстве и слышать не хотели, ибо украинской буржуазии Крым нужен был как база на Черном море, а вовсе не как место для организации ханства.

Отношение же к Советам оставалось прежним.

Правительство Сулькевича под руководством Милли Фирка и немецкого командования продолжало прежнюю линию, линию борьбы с Советами. Оно осуществляло жесточайший отпор всем революционным проявлениям масс.

Безземельное и малоземельное крестьянство в Крыму, по примеру крестьян центральных районов, пыталось осуществить захват помещичьих и мурзацких земель. Милли Фирка через правительство Сулькевича использовало военную силу оккупантов, чтобы предотвратить дальнейший захват земель. Представители мурзачества и буржуазии делали это настолько

[1] Из докладной записки „Высокому Германскому правительству".

Представители контрреволюционной Украинской Рады (+) (++) приветствуют Курултай. В центре член ЦК Милли Фирка Челебиев.

энергично, что сами же миллифирковцы вынуждены были печатать предостережения в своей газете „Крым“, призывая „в последний раз по-хорошему“ зарвавшихся, которые уже очень рьяно использовывали германские военные части для расправы с крестьянством южного берега Крыма и других районов.

Однако, эти призывы обращаться с крестьянством „по-хорошему“ ничего не давали. Мурзачество жестоко расправлялось с захватчиками. „Увы... Согласно поступающим изо дня в день в нашу редакцию сообщениям, некоторые татарские помещики (в первую голову евпаторийские) вместо культурной работы среди народа принялись за дело разрушения; без всякого стеснения, без зазрения совести ими изгоняются из насиженных мест целые деревни крестьян-татар.

Поводов же для этого у помещиков сколько угодно.

В дни большевиков, ведь, некоторые крестьяне-татары соблазнились помещичьим зерном, помещичьим инвентарем или просто по предложению или даже по требованию большевиков они должны были ими пользоваться и засеять землю.

Остановите ваш поход против татарского деревенского люда“.[1]

Эти упрашивания не могли остановить помещиков. Расправа с крестьянством, осуществившим свое право на захват земли, происходила по всему Крыму. Немецкие шомпола наводили „порядок“, восстанавливали „справедливость“. Вот еще одно такое сообщение, относящееся к Феодосийскому району:

„Со дня прибытия германцев в Крым наши богачи, большей частью Феодосийского уезда, расхрабрившись, увеличили свое влияние... они, как и прежде, в течение многих лет, хотят заставить бедняков и безвинных крестьян, работающих на их землях, попрежнему работать на них. Из-за личных счетов арестовывают людей, из-за неоплаченного долга говорят: „он, мол, большевик“, отдают своих должников гер-

[1] „Татарские помещики увлекаются“. „Крым“ № 19, 23/VI—1918 г. (Центроархив Крым.).

манцам для избиения шомполами... Газета „Миллет"... в последний раз по-хорошему призывает богачей к хорошему" („Миллет" № 98, 22/VIII—1918 г.).

В отношении к рабочему классу миллифирковцы проводили политику жесточайших репрессий: разгон рабочих организаций, преследование коммунистов, избиения и расстрелы революционных рабочих.

На этом втором этапе борьбы с Советами социальная база Милли Фирка уменьшается еще больше. Она потеряла влияние на основные массы крестьянства. От нее ушел значительный слой национально-революционной интеллигенции. Она никакой поддержкой не пользовалась со стороны немногочисленных рабочих и кустарей.

Милли Фирка и созданное ее усилиями правительство превращалось в группку лиц, опирающуюся на немногочисленный слой городской национальной буржуазии, распыленное кулачество и помещиков. Это была шаткая, малодейственная база. Правда, на этом этапе с большой силой сказались интернациональные связи контрреволюции: против Советов дружно выступали помещики и кулаки, и немецкие, и русские, и татарские, и др. составляли единый прочный блок. Но, с другой стороны, крепла интернациональная классовая связь с русским крестьянством, с рабочими и трудящимися других национальностей, возглавляемыми большевиками. Миллифирковцы под этим напором чувствовали свою слабость, и именно поэтому правительство, возглавляемое Сулькевичем, „самоликвидировалось" одновременно с уходом немецкой оккупационной армии.

После ухода немцев и этой „самоликвидации" правительства Сулькевича (оно существовало с 5 июня по 15 декабря 1918 года) усилиями буржуазии при содействии добровольческой армии на особом совещании земцев и членов учредительного собрания было создано новое еще более реакционное правительство под руководством Соломона Крыма. Ориентируясь на создание „единой, неделимой России", оно подозрительно относилось ко всякому проявлению национального

нального движения и боевым лозунгом своим провозгласило: „Долой татарское национальное самоуправление, долой двоевластие“.

Милли Фирка вместе с возглавляемым ею бюро крымско-татарского парламента (Курултая), будучи отстранена от руководящего влияния на ход развертывающихся событий, центр внимания перенесла на усиление национальных организаций (вела подготовки к созыву Курултая, подготовила проект культурно-национальной автономии, усилила работу в деревнях). После провала лозунга „независимого“ ханства, после полного провала ориентации на Германию и Турцию надо было найти новую форму буржуазного государственного строительства, такую, которая была бы приемлема для оголтелой реакции и вместе с тем обеспечивала бы более или менее самостоятельное положение национальной буржуазии на Крымском полуострове. Такой формой была национально-культурная автономия Крыма. Милли Фирка разрабатывает основные положения этой автономии и опубликовывает их в газетах „Крым“ (на русском языке) и „Миллет“.

Основные моменты приведены в первой части этого положения и сводятся они к следующему:

§ 1. Мусульмане Крыма пользуются полной автономией во всех делах, связанных с их внутренним бытом и религиозными воззрениями.

§ 2. Автономное управление крымских мусульман распространяется на дела: 1) религиозные, 2) культурно-просветительные, 3) по управлению вакуфными имуществами и капиталами, 4) по самообложению, 5) общественного призрения и народного здравия, 6) судебные и опекунские.

§ 3. Для осуществления культурно-национальной автономии учреждается татарский национальный Меджлис-Мерджан (парламент) и национальная директория, являющаяся его исполнительным органом.[1]

Как видно из этой выдержки, в содержание национально-культурной автономии националисты вкладывали очень многое. Эта „культурная“ автономия ничем не отличалась от

[1] Газета „Крым“, издававшаяся при ближайшем участии членов Крымско-татарского парламента, № от 3/I — 1919 года.

лозунгов прежнего периода. По существу это было положение о буржуазной автономии, где должны были решаться все вопросы хозяйственного, культурного, правового характера. Ввиду почти полной тождественности положения с программой Милли Фирка (см. в конце брошюры) нет необходимости останавливаться на нем подробно.

Но все разговоры даже о культурно-национальной автономии в новых условиях расценивались по-новому. Правительство добровольческой армии, ориентирующееся на „единую, неделимую“ Россию, и слышать не хотело о какой бы то ни было самостоятельности национальных меньшинств. Именно поэтому стал популярным лозунг — долой Крымско-татарское правительство, довольно двоевластия.

В ответ на опубликование положения о культурной автономии и усиление работы миллифирковцев правительство обрушивается на националистов целым рядом репрессий: разгром редакции газеты „Миллет“, обыски у членов Курултая, обыски и изъятие документов в парламентском бюро, отобрание помещения, занимаемого национальными организациями. Наконец, последнее мероприятие, на которое особенно сильно реагировали миллифирковцы — созыв особого съезда мусульман, через голову национальных организаций. Правительство добровольческой армии пыталось найти опору в других слоях татарского населения: мусульманском духовенстве и наиболее реакционной части мурзачества и кулаков. Был опубликован следующий приказ:

„Командование добровольческой армии в Крыму, идя навстречу просьбе татарского населения разрешить некоторые вопросы, имеющие связь с установлением порядка и спокойствия в крае, решило выслушать суждение по этому вопросу представителей татарской части населения. А потому я приказываю избрать от каждой волости по два представителя из местных благонамеренных людей и по одному представителю от каждого прихода в городах, не считаясь с незнанием ими русского языка. Всем выборным собраться 25 января по ст. ст. в 11 час. дня в гор. Симферополе в помещении дворянского собрания. Ком. отд. крым. корпуса ген.-лейт. Боровский“.

Все эти факты поставили националистические организации в своеобразную оппозицию к правительству русской контрреволюции. Миллифирковцы переносят центр тяжести своей работы в деревни, ведут усиленную агитацию и срывают этот съезд, превратив его в демонстрацию против добровольческой армии и ее правительства.

В своей газете „Крым" они пишут по этому поводу:

„В Крыму в Симферополе существует законодательный орган татарского населения... Если генералу Боровскому необходимо было знать суждение татарского населения — к этому органу и следовало бы обратиться, хотя представители этого органа были и не столь „благонамеренные" люди.

Жутко, очень жутко видеть способы, которыми в Крыму насаждаются порядок и спокойствие. Роль татарского населения стараются свести к нулю".[1]

В период окончательного укрепления Советов в Крыму миллифирковцы пытаются всюду спекулировать своей оппозиционностью к добровольческому правительству. Но к чему сводилась эта оппозиция? К критике отдельных, частных мероприятий добровольческого правительства. Общность классовых интересов с русской буржуазией придала декларативный характер этой „оппозиции". Скорее, это была перестраховка „на всякий случай". Критика в газетах „Крым" и „Миллет" была критикой друзей, предостерегающих от опасных промахов: демократия позволяет себе промахи, мало заботится о хозяйственном восстановлении края; нельзя допускать убийств пьяными офицерами беззащитных трудящихся татар, плохо, что мало уделяется внимания народному образованию среди татар, и т. д.

Когда приходилось особенно плохо от беззастенчивого, чувствующего свою силу командования добровольческой армии, миллифирковцы в обеих своих газетах грозили Турцией:

„Но если Вы будете и впредь отягощать крымцев всякими непосильными контрибуциями на постройку башни до небес и соберете столько сил, что будете считать мусульман завоеванным народом, то ничего не будет удивительного,

---

Газета „Крым", № 12, 5/II—1919 года.

если в его среде разовьется и победит течение в пользу протектората Турции“ (газета „Крым“).

Чтобы смягчить добровольцев, чтобы доказать свою лойяльность контрреволюции, миллифирковцы вспоминают свои былые контрреволюционные заслуги с целью получить возможность формирования национальных частей, т. е. создания реальной силы, в которой была такая острая необходимость:

„Во время формирования мусульманского корпуса, где прятались сотни русских офицеров от большевиков, ставка засыпала... всевозможными вопросами и, таким образом, оттягивала время формирования до власти большевиков... Если бы ставка не оттягивала формирования мусульманского корпуса, то возможно, что большевики в Крыму не господствовали бы и не были бы убиты тысячи офицеров и татар“.[1]

При просмотре материалов, относящихся к 1918/19 гг., не удалось найти ни одного факта, который свидетельствовал бы о том, что в обстановке непримиримой борьбы двух классовых сил — контрреволюционной буржуазии и рабочего класса — миллифирковцы выступили на помощь последнему. Даже в этот период, когда лозунги национальной независимости были втоптаны в грязь сапогом добровольческого офицерства, — даже в это время Милли Фирка остается верной своей прежней ориентации: в ногу с русской контрреволюцией — против Советов.

Милли Фирка попрежнему ведет печатную и устную агитацию против Советов и большевизма. Успех наступающей Красной армии все больше убеждает, что белому офицерству не справиться с большевизмом, что одной голой военной силой ничего не сделать. Где выход? В статье „К борьбе с большевиками“ в газете „Крым“ (9/III — 1919 г.) они пишут:

„Каковы же очередные задачи? — Изменение способов борьбы с большевизмом в направлении от гражданской войны к устроению жизни на основаниях, обеспечивающих развитие производительных сил... а этого можно достигнуть только экономической политикой правительства...

---

[1] Газета „Крым“, № 9, 29 января.

...отказаться от политики угодничанья тем или иным классовым элементам, он должен противопоставить себя советам рабочих депутатов, как совет народных депутатов"...

В этой короткой выдержке с удивительной яркостью сказалась мелкобуржуазная сущность идеологов Милли Фирка, пытающихся показать вид, что они занимают какую-то надклассовую позицию. В этот период миллифирковцы пытаются показать, что они ведут политику на два фронта — против большевистской диктатуры и против оголтелой русской реакции. И вместе с тем в газетах „Крым" и „Миллет" они продолжают призывать к борьбе с красными повстанцами, клевещут на большевизм и Советы, говорят о неприкосновенности помещичьей земли, помогая тем самым практически укреплению тыла добровольческой армии.

Газеты „Миллет" и „Крым" заученно по каждому поводу повторяют ложь о Советской России:

„По полученным из Совдепии известиям, поднявшееся в Петрограде антибольшевистское восстание подавлено оружием. Совнарком не остановился перед самыми решительными мерами. Против восставших были выдвинуты китайские части, которые произвели беспощадную расправу. Число жертв пока не выяснено. Производят аресты и обыски заподозренных в противобольшевистской агитации. Число арестованных весьма велико. Среди них много рабочих".[1]

Полный провал лозунгов национальной независимости, которыми Милли Фирка спекулировала в массах, ухудшавшееся экономическое положение трудящихся, безобразное поведение добровольческой армии, грабежи, расстрелы, неприкрытый блок Милли Фирка с русской реакцией,—только все это дало возможность массам уяснить себе полностью истинные намерения национальной буржуазии. Масса крестьянства, особенно северной части Крыма, все больше освобождается от влияния Милли Фирка. То же происходит и на Южном берегу. Социальная база Милли Фирка сужается еще больше. От миллифирковского движения откалывается це-

---

[1] Газета „Крым" от 24 января 1919 г.

целая группа татар и организует в Крыму первую ячейку коммунистов-татар. Все более популярным становится лозунг создания Советов. Но все это не изменяет общей контрреволюционной линии Милли Фирка. Когда развал добровольческого правительства вызвал необходимость создания новой ширмы для осуществления диктатуры буржуазии и хозяйничанья империалистов в Крыму — создания сейма (который избрал бы „законную“ власть), Милли Фирка все силы бросает на подготовку к выборам в этот сейм. „Кто из татар не готовится к выборам в Крымский сейм, тот изменяет отечеству“ — лозунг Милли Фирка этого периода.

На эту новую форму „законной“ власти Милли Фирка возлагает большие надежды. Она усиленно готовится к выборам. Ведет агитацию среди населения, выставляет по округам списки своих кандидатов (смотри список на стр. 63),[1] жалуется на то, что правительство ограничивает представительство в сейме для национальных районов — Ялтинского, Бахчисарайского и др., нарушая тем самым „священные“ принципы демократии.

„В Крыму на глазах демократии совершается вопиющее беззаконие. И к кому же апеллировать? К кадетскому правительству, которое совершило это беззаконие... о том, чтобы оно отдало себя под суд за свои беззакония“.[2]

Но ничего не помогло: ни потуги добровольческой армии, ни сейм. В Крым двигались советские военные части. Перед приходом Красной армии, чувствуя провал всех усилий русской буржуазии и свой собственный, Милли Фирка пытается громче говорить о своем нейтралитете.

„Чем же надо быть. Ясно, что надо быть такими людьми, которые не делают другим того, чего себе не желают... твердо держась нейтральной позиции“...[3]

[1] Кстати сказать, в архивах обнаружен еще один только список М. Ф. № 1 (всего же было 8-10 участков), который мы приводим:

„Список № 1 организации татар „Милли Фирка“: М. М. Кипчакский, О. К. Кричинский, М. Х. Енилеев, С. М. Мисхорлы, А. Ч. Муфти-Задэ, А. О. Саттаров, Якуб Кемаль, А. Халитов, М. А. Баброклы, Айше-ханым Исхакова, Адуш Ниметулла, Д. В. Рустембеков, А. М. Кайтозов, А. Ф. Абдураманов“.

[2] Газета „Крым“ от 12/II — 1919 г. № 15.

[3] Газета „Крым“ № 27 от 19/III — 1919 г.

Избирательная записка.

Шестой избирательный округъ по выборамъ въ Крымскій Краевой Сеймъ.

№ 8

Организаціи Татаръ Крыма „Милли-Фирка"

1 Хаттатовъ Сеитъ Джелилъ Усейнъ оглу — Симферополь Кади-Эскерская, 52.

2 Озенбашлы Аметъ С.-Абла—Симферополь, Дворянск., 20.

3 Ахматовичъ Александръ Матвѣевичъ—Лазаревская, 5.

4 Хайретдиновъ Мухтаръ—Бахчисарай, Городская Управа.

5 Избашъ Николай Владимировичъ—Симф., Кантарная 20.

6 Полтаржицкій Али Іосифъ оглу — Симфер., Лазаревская, д. Славинской, 6.

7 Чапчакчи Халидъ Селяметъ—Симферополь, Дворянск., 20.

8 Кипчакскій Ильясъ Мустафа Оглу—Дворянская, 15.

9 Бадраклы Мустафа Аджи Абдуль Джемиль — Бахчисарай, соб. домъ.

10 Богдановичъ Якубъ Сулеймановичъ — Симф., Учит. сем.

11 Якубъ Куддусъ—Симферополь, Софійская, 22.

12 Баличіевъ, С. Усеинъ С. Белиша Оглу — Симферополь. Лазаревская, 26.

13 Таракчи С. Умеръ—Симферополь, Кантарная, 25.

14 Ибраимовъ Вели—Симферополь, Севастопольская, 12.

15 Одабашъ Бекиръ Абдурешидъ—Симф., Акмечетская, 46.

16 Ибраимовъ С. Халиль С. Ибраимъ—Бахчисарай, Цен. гост.

17 Шамиль Шевкетъ Исмаилъ Челеби—Кади-Эскерская, 66.

18 Озенбашлы Ибраимъ—Гурзуфъ, дача Чеховой.

19 Полтаржицкій Михаилъ Іосифовичъ—Симферополь, Лазаревская, д. Уманца.

Листовка Милли Фирка к перевыборам в Крымский краевой сейм.

В переводе на простой язык это значило: громите рабочие организации, расстреливайте и вешайте, порите и грабьте крестьянство — мы нейтральны; мы способны лишь заниматься экономическими реформами, к чему призываем и вас. Надежда же остается одна — надо, чтобы Крым заняли союзные войска.

„Если союзные войска не будут завоевывать России, то их присутствие в Крыму должно быть использовано для предъявления Советской Республике требования не вмешиваться в соц.-политическую жизнь Крыма“...[1]

Во время второго прихода Советской власти в Крым в апреле 1919 года бывшее левое крыло национального движения уже активно борется над укреплением Советов. Милли Фирка уходит в подполье и пытается легальные выступления маскировать под форму сотрудничества с Советами, выдавая свою „оппозицию“ к добровольческой армии и ее правительству за революционный „подвиг“, декларируя свою постепенную эволюцию к принятию лозунгов Советской власти и коммунистической партии. Еще позднее ни в период деникинщины, ни в период врангелевщины в Крыму, вплоть до прихода Советской власти в 1920 г., Милли Фирка не проявила ни одного факта поддержки революционной работы в Крыму и революционных организаций (в частности „зеленого“ движения в Крыму). Она самоустранилась и свой лозунг о нейтралитете претворила в практику, помогая тем самым буржуазной диктатуре в Крыму расправляться с рабочим классом и трудовыми слоями крестьянства.

Окончательный разгром контрреволюции в Крыму вместе с тем был разгромом и национальной буржуазии и ее боевой партии Милли Фирка. Этим заканчивается легальный период существования партии, потерявшей к тому времени всякий авторитет в массах.

[1] „Крым“ от 26/III 1919 г. № 30.

V. КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА МИЛЛИ ФИРКА В УСЛОВИЯХ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

После полного и окончательного разгрома белогвардейщины в Крыму, после установления Советской власти в 1920 г. миллифирковцы снова пытаются выйти на политическую арену. Они не сложили оружия, они не отказались от осуществления своих целей и пытаются приспособиться к новым условиям — перестроить партию для работы в условиях диктатуры пролетариата. В особой докладной записке, за подписью нескольких членов Центрального комитета, они говорят о том, что Милли Фирка „является отражением мусульманской общественности“, что партия много сделала уже для трудящихся татар; что она отобрала вакуфы и доходы с них обратила на культурные цели, что она раскрепостила женщину, что она много сделала в области народного просвещения. А „так как в настоящее время коммунистической партии нужны работники“,[1] то партия — „вполне может принять на себя сотрудничество... расходясь с коммунистической партией не в принципе, а лишь по времени, месту и способу осуществления (социализма, *А. Б.*), так как для этого необходимо устранение целого ряда препятствий, издавна укоренившихся в мусульманском быту“.

Ну, и само собой понятно, что миллифирковцы считают, что эти препятствия еще не устранены, что татарские массы „не созрели“ для большевистского „эксперимента“, и что поэтому — „пути достижения социального счастья мусульманского народа“, пишут они, „совершенно отличны от средств и путей, избранных европейским трудовым народом“. А эти

[1] Из докладной записки Крымскому революционному комитету. Полностью записка дана в конце книги особым приложением.

пути, конечно, лучше всех знает „интеллигенция, вышедшая из недр мусульманского народа, знакомая с бытом и особенностями, психологией и традициями мусульман", — отсюда простой и убедительный вывод должен сделать Крымский революционный комитет: без миллифирковцев не обойтись, надо принять их предложение. В конце докладной записки миллифирковцы выставляют следующие свои требования:

„Все нами изложенное сводится к следующему: 1) по нашему убеждению, на Востоке буржуазией являются колонизаторы—обладатели европейского капитала и поддерживаемые ими группы; 2) развитие и рост революционного движения в мусульманском мире зависит от степени интенсивности революционной деятельности мусульманской интеллигенции. Если будет признано, что Милли Фирка вела в Крыму общественную борьбу и сыграла революционную роль, то Милли Фирка добивается: 1) легализации Милли Фирка, 2) передачи татарских религиозных, просветительных дел и вакуфов в ведение Милли Фирка; 3) разрешения издания газеты „Миллет", литературных и научных журналов и книг. 1920 г. 25 ноября г. Симферополь. Пред. Центр. ком. — Хаттатов. Члены Центрального к-та (первая подпись неразборчива), Чабан-Заде, Х. Чапчакчи, Б. Адабаши, С. У. Таракчиев, Осман-Муединов, Ф. А. Абдураман. Секретарь М. Ф. Аджи-оглу".[1]

Крымский революционный комитет не пошел, конечно, на сотрудничество с этой контрреволюционной группкой буржуазии и буржуазной интеллигенции. Она полно, до конца, в течение ряда лет демонстрировала свою преданность интересам буржуазии. Но это не значит, что отказ сломил, обезоружил миллифирковцев. Они начали свое „сотрудничество" с Советами по собственному почину. Партия перестраивает свои ряды для работы в новых условиях — в условиях диктатуры пролетариата, — она уходит в подполье. Отсюда осуществляется руководство легальной работой отдельных миллифирковцев,

[1] Полный текст приложен в конце книги, стр. 115.

здесь решаются вопросы политики в каждом отдельном случае. Основными исходными пунктами в работе партии в этот период является уверенность в постепенном буржуазном перерождении Советов, надежда на выхолащивание классовой их природы, прежняя ориентация на Турцию и надежда на осуществление лозунгов буржуазно-национальной независимости.

Что партия вела нелегальную работу, этот факт является бесспорным, доказанным и следственными материалами, и отдельными документами.

В 1924 году у гр-на Темир Хая Дерменджи при обыске обнаружен ряд документов. В одном из писем мы находим такое указание:

„Хотя я в настоящее время не вмешиваюсь в работу (он был болен туберкулезом, *А. Б.*), но как о ялтинских, так и о центральных партийных делах осведомлен. Также знаю психологию товарищей, даже знаю о том, что не „Ширкет" является орудием партии, а партия—„Ширкет".

В другом месте в документах, обнаруженных там же, мы находим такое сообщение:

„Я только хотел было поделиться с вами моими впечатлениями, полученными из вашего информационного доклада о делах Центра, но в это время приход посторонних посетителей лишил меня этого счастья, поэтому я вынужден был все это передать письменно".

О каком центре идет речь в этих документах, о каких партийных делах? У того же Дерменджи обнаружена краткая инструкция для членов партии, в которой имеются такие пункты:

„Членам партии категорически воспрещается критиковать друг друга в присутствии посторонних лиц, а что касается критики внутри партии, то это допустимо лишь в рамках логичности и принципов, при условии, чтобы эта критика не дошла до степени оскорбления. При соблюдении этих условий каждый член партии может и обязан подвергать деятельность партии самой строгой и жесткой критике" (§ 5).

Что же касается лиц, изменивших партии, то новые условия, в которых приходится работать, требуют сурового к ним отношения, и в этой инструкции говорится:

„Все лица, сознательно изменившие партии, будь он член партии или посторонний, ему применяется террор".

Наконец, нельзя не упомянуть еще об одном документе, найденном у того же Дерменджи: это список Чрезвычайки. В этом списке мы находим следующих лиц: 1) Чобан-Задэ, 2) Озен-Башлы, 3) Чапчакчи, 4) Хаттатов, 5) Булушев, 6) Дерен-Айерлы, 7) Бекир-Баев.

Вот эта группа и руководила работой миллифирковцев в 1920-24 гг. Это был нелегальный Центральный комитет Милли Фирка. Он даже сохранил часть своих старых членов: в него, как и в 1920 году, входил Чобан-Задэ, Хаттатов, Чапчакчи. И, конечно, только при наличии Центрального комитета получает свое объяснение та расстановка сил миллифирковцев, которую мы имеем в Крыму.

По директиве своего Центрального комитета миллифирковцы, с первых же дней организации советского аппарата в Крыму, проникают в отдельные его звенья и проводят там свою разрушительную работу. В первый момент это было особенно нетрудно сделать: лица, руководившие работой, мало знали миллифирковцев, нужда же в работниках была большая. Внешне лойяльные, культурные миллифирковцы легко проникли во все поры советского государственного организма.

Члены Центрального комитета проникают в такие организации, как Наркомпрос (Чобан-Задэ, Озенбашлы), в Наркомздрав (Чапчакчи) и целый ряд других органов. Там они пытаются проводить свою линию и кой-где добиваются успехов.

Наркомпрос пользовался особым вниманием миллифирковцев и одно время они целиком считали его „своим" — так много они сгруппировали в нем своих людей.

Отсюда, из Наркомпроса, они вели бешеную борьбу против введения нового латинизированного алфавита, ибо это ставило преграду влиянию старо-тюркской клерикальной и пантюркистской печати. И надо отметить, что часть местных миллифирковцев, вроде Чобан-Заде и Асан-Сабри Айвазова, стали сторонниками нового алфавита не потому, что они изменили свою политическую ориентацию, а больше

потому, что их „пристыдил“ Кемаль своими реформами в этом направлении. Ну, а тут уже нельзя было плестись в хвосте...

Из Наркомпроса же они обеспечили за собой влияние на подготовку учебников. Учебники первых лет почти все написаны крупными националистами. Отличительной их чертой является аполитичность; в школах они устно дополнялись политиками... от Милли Фирка. Дело доходило до того, что на конференции учителей требовали ввоза турецких учебников и организации „своего“ татарского издательства (помимо существующего Гос. издательства).

Националистические элементы в органах Наркомпроса были до последнего времени. Обследование Наркомпроса в конце 1929 года выявило, что „аппарат Наркомпроса в известной части засорен политически чуждыми элементами, которые продолжают свою работу“...[1]

Этим, однако, не ограничивалась деятельность миллифирковцев. Среди молодежи под их влиянием возникали особые националистические организации. Такая организация, например, „Олтун-Орду“, была в Евпатории. Были они и в других районах. Логика здесь была, очевидно, такая: есть Советы, но обстановка может измениться, как она менялась несколько раз в Крыму. Значит, надо готовиться, надо обеспечить себе сторонников, которым было бы дорого голубое знамя национализма, которые по первому зову пришли бы на помощь и пополнили ряды партии.

Миллифирковцы всячески пытаются с этой целью выдавать себя перед молодежью „революционерами“, вождями в прошлом, которые имеют особые заслуги перед нацией. С этой целью искажаются исторические факты:

„В Ялте, в Бахчисарае началась кровавая война; собрался парламент, начали искать выхода. Председатель национального правления Челибиджан, видя тяжесть положения, снял с себя полномочия. Но пока парламент уладил вопрос, большевики заняли Симферополь и с парламентом заключили мир“,[1]—пишет в 1927 году в советском журнале для

[1] Из решения Обл. К-та ВКП(б) от 27/XII 1929 г.

[1] С. Айвазов. Октябрьская революция и татарская интеллигенция. „Иллери“ № 18, 1927 г.

молодежи Айвазов. Если бы он мог сказать правду, он сказал бы примерно так: начали мы борьбу против восставших трудовых масс, возглавляемых коммунистической партией, нас разбили, правительство посадили в тюрьму, кой-кого расстреляли, а кой-кто, вот, как я,—уцелел. Но сказать так,—значит потерять аудиторию: молодежь перестала бы слушать маститого миллифирковца. Или вот другой пример политической саморекламы. В статье „Я и мои стихи", присланной для татарского литературного журнала „Иллери", мы читаем:

„Сказать —„я революционер" гораздо более ответственно, чем сказать: „я поэт", но я могу сказать это про себя вместе со всяким, кто чувствует в себе волю и чувство своего класса. Я могу более или менее вместе с теми лицами, в которых имеется воля и чувство своего класса, сказать, что я в качестве интеллигента революции, в особенности вышедшего из народа, возложенные на меня культурной революцией задачи стараюсь изучить самым серьезным образом и выполняю их честно".

Так пишет Чобан-Заде, активнейший член Милли Фирка, член Центрального комитета этой партии, в письме татарскому журналу „Иллери". Такая политическая самореклама рассчитана, главным образом, на молодежь, на лиц, не знающих истории национально-буржуазного движения.

Исключительное внимание миллифирковцы уделяли печати. И надо сказать, что здесь они также добились заметных результатов: вплоть до 1927 года в наши советские (татарские) журналы они протаскивали свою мелкобуржуазную мешанину. В газете „Ени-Дунья", журналах „Иллери", „Оку-Ишлери" и других опубликованы ряд их статей, прививающих националистические, буржуазные и пантюркистские настроения.

В завуалированной форме, эзоповским языком вели миллифирковцы пропаганду своих взглядов.

Вот один образец такого разговора „эзоповским" языком:

„На тюрко-татарскую интеллигенцию Советского Союза с его 20 и более разделенными областями и автономными республиками, имеющими по сравнению с турками Турции по количеству населения приблизительно в 2 с половиной

раза и по территории в 10-15 раз больше, до и после революции были возложены и некоторые другие задачи" („Иллери" № 4 за 1926 г. Ч.-Заде).

В скобки берется вся тюрко-татарская интеллигенция (и миллифирковцы и олашордынцы — все). Подчеркивается разобщенность тюрок в Советском Союзе на „20 и более" областей, и из этого выводятся „другие задачи", возложенные на тюрко-татарскую интеллигенцию в Советском Союзе. По ту сторону Черного моря кемалистская Турция ведет борьбу с наседающим империализмом, Кемаль-паша и его буржуазная партия сохранили видимость „суверенного" государства. Значит, тюрки (читай тюркская буржуазия) могут и исторически подготовлены к самостоятельному государственному строительству. „Соль", цемент тюркских масс — это интеллигенция — вот на эту-то интеллигенцию и возложены некоторые другие задачи (читай задачи объединения тюрок Советского Союза, т. е. осуществление идеи пантюркистов). Такова логика рассуждений профессора.

Профессор недоволен ролью тюркской интеллигенции в Советском Союзе. Эта роль скромна. Ряд вопросов разрешается без ее участия, с ней недостаточно считаются. „Если интеллигенция в Турции прошла политический и управленческий путь и очутилась в отдалении от рабоче-крестьянской массы, то тюрко-татарская интеллигенция этого края (в старой России) могла в течение ста лет встречать перед собою только научные и культурные задачи... И у нас в Советском Союзе в среде тюрко-татарских народностей, как выше упомянуто, большое внимание обращается на „школьничество" и „просвещенство", и происходящие споры, как мы видим, охватывают, главным образом, не земельные, промышленные и правовые вопросы, а только программы школ первой и второй ступени, литературы, языка, алфавита и учебников"... („Иллери" № 4 1926 г. Ч.-Заде).

Это лишь отдельные иллюстрации использования советской печати, которые могут быть умножены десятками, сотнями других фактов.

В последнее время миллифирковцы, убедившиеся в невозможности так упрощенно использовать в своих целях нашу

печать,— пытаются сделать это для своей политической реабилитации. Нельзя не проиллюстрировать одну такую попытку того же профессора Чобан-Заде в книге „Курултай и и народничество в крымско-татарской литературе“. Попутно с разбором крымско-татарской литературы он приводит ряд исторических справок о Милли Фирка, о Курултае и о себе самом. Вот что он пишет: „Так как до этого времени ни о Милли Фирка, ни об организовавших первые ряды этой Милли Фирка крымско-татарских учениках-интеллигентах, учившихся в Турции, не было ничего написано, то в этих местах статьи я должен опираться только на собственную память. Другими словами, материалы о Милли Фирка будут носить характер мемуаров-воспоминаний. Естественно, что я буду стараться ознакомить читателя только с важными моментами этих воспоминаний“.

И вот профессор вспоминает. Он говорит о том, что в Турции крымцы организовались в „Общество взаимопомощи“, что потом они были разочарованы положением в Турции, так как „местная турецко-татарская буржуазия не могла... достигнуть реальных экономических результатов“, и что по существу это уже было „основой создания Милли Фирка“.

Потом профессор вспомнил, что он увлекался национальным духом — национальной идеологией и что „все это (у него) не так глубоко“, что он был „вторым в Крыму, который был сторонником нового алфавита“, что он занимал роль „во всесоюзном масштабе для проведения в жизнь этого алфавита“, что он „издал 15-20 произведений — около 3000 строк“, что в этих его работах „можно найти... ключ методов и науки“.

Вспомнил профессор и о том, что в Крыму про него говорят, что он „авантюрист“ и „буржуазный интеллигент“ и что иногда он занимается „плагиатами“...

Спрашивается — для чего пишется все это? В какой мере это относится к крымско-татарской литературе?

При ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что этот новый документ создан со специальной целью политической реабилитации автора.

Профессор особенно много „вспоминает“ о Милли Фирка и миллетчиках: „Против Милли Фирка в Крыму выступили три силы: царизм, черные, зловещие муллы, Гаспринский и пантюркизм. Борьба против этих трех сил началась в 1913 г“.

Итак, по утверждению Чобан-Заде, Милли Фирка существовала уже в 1913 году. Это его утверждение является абсолютно неверным. Теперь уже точно установлено, что партия создана в 1917 году, и профессор знает это. Он знает программу этой партии, т. к. был членом ее ЦК. Зачем же он искажает факты? Делает он это для того, чтобы сказать, что Милли Фирка существовала с 1913 г. по 1923/24 гг. и, дальше, что пребывание в ней Чобан-Заде в течение 2-3 лет— случайный эпизод.

Дальше он пишет: „Мы в свою очередь будем продолжать раскрывать качество буржуазии и интеллигенции — Милетчи“. Но это только декорация. На самом деле он далек от этого. Профессор путает факты, ходит вокруг до около, прячет концы в воду. Во всех его выступлениях последнего времени, во всех его „покаяниях“ мы не находим ни одного факта о вредительской, контрреволюционной работе миллифирковцев, кроме общих фраз об их подлой роли.

В одном из своих выступлений он говорит, что „Ширкет“ был экономической базой миллифирковцев. Но „Ширкет“ существовал до 1923 года. В новой же своей книге профессор пишет: „у пишущего эти строки общение с Милли Фирка было до конца 1920 года“. Но, ведь, профессор принимал участие в работе „Ширкета“, ведь есть живые свидетели особых совещаний и даже особо активной агитации профессора. Значит, это неверно, что он порвал с миллифирковцами в 1920 г. Впрочем, в другом месте Чобан-Заде и сам пишет: „Одним из самых ярких примеров... был вопрос о новом алфавите. Интеллигенция Милетчи, сознавая превосходство техники этого алфавита (в технике ли только дело и в этом ли политический смысл реформы, профессор? *А. Б.*) на все 100%, выступала против него. Для пишущего эти строки это послужило первым шагом, чтобы в 1924 году решительно порвать связь с буржуазией и интеллигенцией“.

Таким образом, Чобан-Заде и другие миллифирковцы в наших советских журналах в течение ряда лет активизируют в своих целях буржуазную молодежь („Вперед, тюрко-татарская молодежь“), подталкивают робкую националистически-настроенную миллифирковскую часть интеллигенции, которая ограничивается охватом одной области — культурного строительства. Они ведут свою единую линию (в основном) от 1917 года до последнего времени. Все эти декларации, подобные декларации Чобан-Заде о том, что с 1924 года он порвал со старым, — являются лишь политикой дальнейшего отступления перед растущими успехами социалистического строительства, своеобразным маневром классового врага.

Чобан-Заде и другие миллифирковцы не раскрывают сущности миллифирковщины, они молчат о своей контрреволюционной роли в прошлом. А им есть чего порассказать.

Наряду с нантюркизмом уже после разгрома белогвардейщины в Крыму не прекращают своей агитации панисламисты. Они также не могли примириться с провалом своей химерической затеи о создании великой Исламии, объединяющей все народности, исповедывающие ислам. Эта проповедь панисламизма переплетается с махровой, явной контрреволюцией. Вот каким языком говорит одно из воззваний панисламистов, разосланное по Башкирии, Казакстану, Поволжью и Крыму и другим районам Советского Союза:

„Товарищи, товарищи мусульмане! Вставайте, оглянитесь внимательно по сторонам, соберите свою мысль и обратите особое внимание — кто у вас отнял свободу. Еще обратите внимание на то, кто сковал ваши руки и ноги, кто пришел и насилует на вашей земле“... Дальше воззвание указывает „врагов“ мусульманского народа. Их три, по мнению авторов воззвания:

1. „Старые наши враги — европейские империалисты (Франция, Англия, Италия и др.)...“

2. „Второй наш враг — это воры, люди безвестных людей, имеющие название коммунистов-большевиков, которые и стали топтать трудящиеся народы...“

3. „Третий враг — у нас внутренний, т. е. поступившие в ряды коммунистов... работают против своей родины и нации...“

„... Аллах дал свое приказание всему народу Исламии, что нужно соединиться в одно и иметь согласие между собой, тогда только можно достичь своей цели“.

Это воззвание относится, примерно, к 1923 году. В нем ярко выражена основная идея панисламистов: создание единой, объединяющей всех мусульман, Исламии, борьба с Советской властью и коммунистами; борьба с „предателями“ — коммунистами-татарами.

Таким образом, проповедь пантюркизма переплеталась с проповедью панисламистов, и оба эти контрреволюционные движения национальной буржуазии и клерикалов мешали трудящимся в их героической борьбе в первые годы советского строительства в Крыму.

Особую роль играла в Крыму кооперативная организация „Ширкет“. Теперь даже такой махровый миллифирковец, как Чобан-Заде, считает его роль антисоветской. „Ширкет“ был экономической базой Милли Фирка в условиях пролетарской диктатуры и легальной организационной формой существования Милли Фирка. Через „Ширкет“ партия связывалась с районами, здесь она черпала необходимые средства, где-то здесь, около „Ширкета“ существовал нелегальный миллифирковский центр. Чтобы увидеть, что в „Ширкете“ были сосредоточены лучшие силы,— достаточно сопоставить старый состав Милли Фирка и „Ширкета“.

Члены Ц. К. Милли Фирка	Члены правления „Ширкета“
1. Хаттатов	1. Хаттатов
2. Чобан-Заде	2. Чапчакчи
3. Чапчакчи	3. Озенбашлы
4. Челебиев и пр.	4. Чобан-Заде и др.

Рука „Ширкета“ сказывалась и в Ялте, и в Епатории, и в Наркомпросе и в ряде других заполненных миллифирковцами пунктов.

Другими пунктами, где сосредоточивались силы миллифирковцев, были постоялые дворы, в частности кофейня „Миллет“. Членами правления этой кофейни были: Озенбашлы, Чапчакчи, Одабаш... В этой кофейне встречались, вели беседы. Это было удобное место для встреч. Наконец, миллифирковцы серьезное внимание уделяли „домам кре-

стьянина“ и постоялым дворам, где тоже были размещены свои люди. Если теперь вспомнить ряд приведенных фактов, то получится интересная картина: миллифирковцы были хорошо „представлелы“ в Наркомпросе и сети учебных заведений, в Наркомздраве, имели такую экономическую организацию, как „Щиркет“, с отделениями на местах, своеобразный клуб в кофейне „Миллет“, сеть „домов крестьянина“, усилено использовали нашу советскую печать,— стройная система, обеспечивающая широкое влияние. Было ли это случайностью... Конечно, нет. Подпольный Центральный комитет („Чрезвычайка“) руководил расстановкой сил, давал политические лозунги, руководил борьбой. Необходимое, полезное использовывание национальной буржуазной интеллигенции в этих условиях на отдельных участках работы превращалось в свою противоположность: в некоторых случаях советский аппарат был использован националистами. Партия ие оставляла своих надежд на изменение политической обстановки и готовилась к этим изменениям.

Миллифирковцы усиленно интересовались внутрипартийными делами Крымской организации ВКП(б). Они внимательно следили за всеми изменениями и пытались использовать каждый удобный случай, способствующий их националистическим целям. С этой целью они искали и находили себе сторонников среди наименее устойчивых членов ВКП(б) и через них пытались быть постоянно в курсе внутрипартийных дел. С этой целью отдельных членов партии подвергали усиленной идеологической обработке и делали своими сторонниками. Вот что пишет один товарищ, раскусивший позднее миллифирковцев:

„Эти националисты при каждом случае старались обработать меня. Рассказывали об истории национального движения татар в извращенном виде... Это движение рисовали мне таким образом, что якобы причина всего движения лежит в том, что они проявляют героизм, жертвуют всем своим имуществом и жизнью за освобождение татарского народа, у которого якобы нет классов, что классовая борьба является следствием искусственного разжигания, что она есть выражение заката западной культуры, которая погибнет под

ударами этой культуры. С особым искусством развивал эту идеологию профессор Чобан-Заде, подводя под нее философию и исторические примеры".

Такого рода „работой" миллифирковцы постепенно подчиняли своему влиянию отдельных членов коммунистической партии. Часть их из числа, так называемых, правых находилась под постоянным влиянием миллифирковцев и объективно отражала давление национальной буржуазии и кулачества.[1]

Такие товарищи в Крымской партийной организации мешали работе, задерживали темп социалистического строительства. В самом деле, что можно сказать о „члене партии", который подобным образом отзывается о националистах-миллифирковцах:

„В вопросе о националистах мы совершили ошибку. Они в качественном отношении сильнее нас. Если несколько товарищей подпадают под их влияние — это не беда. Нужно было бы коллективно работать. В этом мы виноваты. Отчасти я сам виноват".[2]

Такие люди только мешали партии в огромной работе социалистического строительства.

Миллифирковцы активизировали таких „партийцев", подталкивали их на постановку антипартийных вопросов, отражающих националистические мелкобуржуазные стремления и цели. Они делали их рупором, орудием своего буржуазно-националистического влияния.

Одновременно с этим существование, так называемых, „левых", осложняющих партийное руководство, мешающих успешной борьбе парт. организации за генеральную линию, объективно помогало работе миллифирковцев, усиливало их позиции, отвлекая внимание организации. Работа миллифирковцев была поставлена достаточно гибко, с полным учетом обстановки. Вот что говорит о методах работы один из

---

[1] Речь идет о единицах, а не о всей группе, так называемых, „правых". Всякое отождествление „правых" с миллифирковцами неверно и недопустимо,

[2] Протокол совещания от 28-го марта 1923 года. Пред. Сеит Галиев. Дерен-Айерлы. Из выступлений Ногаева (исключен из ВКП(б).

участников работы миллифирковцев: „... должен заметить, что метод работы у этих людей, организованных в священном названном „товариществе" (аркадашлык); был приспособлен, что называется, на-ходу: сейчас они будут сидеть с тобой, поговорят об одном каком-нибудь вопросе и разрешат его, через несколько минут... или через несколько дней уже с другими обсудят тот же вопрос..."

В связи с такой обстановкой в 1928 году Центральный комитет партии дает следующую оценку положения в Крыму:

„ЦК отмечает, что основная задача советского строительства в Крыму — ликвидация помещичьего землевладения — была проведена неудовлетворительно и с явным нарушением неоднократных директив ЦК и советского законодательства (невыселение помещиков, возвращение угодий прежним владельцам, закон о нормах оставления земли и т. д), что привело к известному замедлению темпа хозяйственного и культурного подъема трудящихся масс Крыма и способствовало усилению роли и влияния кулачества в крымской деревне".

„В отношении работы советских органов в Крыму ЦК указывает на ряд выявившихся, особенно в связи с делом В. Ибраимова, серьезнейших недочетов, явившихся результатом слабой связи соворганов с массами, большой их засоренности чуждыми рабочему классу элементами и влиянием в ряде случаев на соворганы кулацких и буржуазно-националистических групп".

И дальше в том же решении мы находим:

„в руководящих органах не прекращалась борьба групп, некоторые элементы которых дошли до установления связи с буржуазными националистами (миллифирковцами)".[1]

И только большевистская стойкость и постоянная решительная борьба и с „правыми", и с „левыми" под руководством Крымского областного комитета партии предотвращали это влияние миллифирковцев.

---

[1] Из решения ЦК ВКП(б) о работе Крымской парторганизации от 8 августа 1928 года.

То же самое необходимо сказать и в отношении Комсомола. Там также сказывалось влияние миллифирковцев. Там это проходило с большой легкостью по двум причинам — перед мало искушенными в политической жизни комсомольцами легче было выдавать себя за „революционеров", за лиц, пострадавших за „народ"; обработке комсомольцев, кроме того, помогали „правые" члены партии.

Миллифирковцы внимательно следили за тем, что делается в КСМ. Вот какое решение было вынесено миллифирковцами на одном из совещаний в 1924 г.:

„Во-вторых, нужно быть осторожными с комсомольцами. Они по своей молодости идут за русскими, забывают свою нацию. Если у наших комсомольцев будет крепкое единение, то они могут нам сильно мешать, и поэтому мы должны взять в свои руки отдельные подходящие личности из комсомольцев и через них внести вражду среди комсомольцев и через них же быть всегда осведомленными об их поступках и секретах и тогда нам легко будет отражать их поступки и нападки на нас и мешать им в организации бедноты".

Ставились, таким образом, определенные цели мешать Комсомолу в осуществлении его классовых задач.

В борьбе за большевистско-ленинскую линию Крымская организация Комсомола в течение ряда лет вела решительную борьбу с миллифирковской буржуазной молодежью и отдельными членами Комсомола, находящимися под влиянием Милли Фирка.

В этой развернутой классовой борьбе миллифирковцы были наголову разбиты и потеряли всякое влияние в Комсомоле, т. к. не находят в нем и не найдут больше „подходящих личностей" — проводников миллифирковского влияния.

Нельзя, наконец, не остановиться на таком факте в Крыму, как велиибраимовщина. Почему он был возможен? Чем объяснить этот социальный гнойник на здоровом теле советского государственного организма?

Что мы имели в первые годы Советской власти в Крыму? Малочисленность пролетарской прослойки, ее распыленность при почти полном отсутствии пролетариата коренной татарской национальности; остатки межнациональной розни, как

наследие старой царской системы (антисемитизм, великорусский шовинизм, татарский национализм); большую хозяйственную разруху — как наследство хозяйничания многочисленных белогвардейских правительств в Крыму; наличие бандитизма в первые годы советизации Крыма; слабость советского аппарата, обусловленную слабостью пролетарской прослойки; большой удельный вес кулачества; наконец, наличие организованной буржуазной, контрреволюционной Милли Фирка. Только вся совокупность этих моментов и могла обусловить наличие такого явления, как велиибраимовщина в Крыму. В чем сущность ибраимовщины? В засоренности советского аппарата националистическими, контрреволюционными элементами, ослаблении, а местами отрыва его от партийного влияния, в контрреволюционном перерождении в этих условиях отдельных клеток государственного аппарата; в ослаблении пролетарского классового наступления в городе и деревне.

В этом деле за миллифирковцами большие „заслуги". Кто такой Вели Ибраимов? Это был „правый" — рупор буржуазных националистов. Это был миллифирковец,[1] скрывший свою принадлежность к М. Ф., пролезший в коммунистическую партию и проводивший там влияние М. Ф. Миллифирковцы требовали прекращения дела кулака Муслюмова, который в течение ряда лет терроризировал бедноту южного берега Крыма, и Вели Ибраимов принимал все меры к ликвидации процесса:

„В результате... не только... ослаблены меры социальной защиты, направленные против обвиняемых Муслюмовых, но из сферы судебного воздействия вышел прикасавшийся к преступной деятельности Муслюмовых — Амет Хайсеров".[2] Кстати, по процесу братьев Муслюмовых миллифирковцы

---

[1] Что В. Ибраимов был миллифирковцем, скрытым буржуазным националистом,— об этом говорит не только вся его „деятельность", вскрытая судебным процессом, но и тот факт, что от выставлял свою кандидатуру в сейм по списку „М. Фирка" в Симферополе в 1919 г. (см. снимок списка на стр. 63).

[2] Обвинительное заключение. См. брошюру — „Дело В. Ибраимова и других". Изд. Крымгосиздата.

мобилизовали все свои силы и им действительно удалось ослабить наказание преступника.

Миллифирковцы решительно недовольны намечающимся переселением в Крым трудящихся евреев, и они проводят целую агитационную кампанию, разжигая антисемитизм. Вели Ибраимов выступает в печати со статьей о нецелесообразности переселения. Для центральных органов миллифирковцы подготовляют ему „обстоятельную записку" о нецелесообразности и невозможности переселения. По мысли миллифирковцев снова поднимается вопрос о возврате из Турции эмигрантов татар (а одно время разрабатывается даже устав особого союза возвращения на родину татар, эмигрировавших в Турцию); они же настаивают на переселении татар из горной части Крыма, где особенно остро чувствуется малоземелье. Вели Ибраимов с компанией правых оформляет это законодательным актом.

Этот последний факт особенно возмутителен. Миллифирковцы пытаются убить здесь двух „зайцев": оставить неприкосновенными кулацкие земельные угодья на Южном берегу, за счет которых надо было наделить малоземельных татар; занять выселением в степь этих малоземельных бедняков пустующие пространства земли, предназначенные под переселение трудящихся евреев. Интересы бедноты не беспокоят их. Их не трогает, что бедняк татарин перебрасывается в совершенно новые условия производства, что это в корне ломает условия его быта, что он будет ряд лет вынужден терпеть острые недостатки во всем, так как организация хозяйства в новых условиях требует огромных затрат труда и крупных денежных средств.

В борьбе за степные пространства Крыма миллифирковцами же выдвигается идея организации овцеводческой кулацкой организации для развития промышленного овцеводства (позднее, особым постановлением правительственных органов, она была распущена). Вели Ибраимов послушно осуществляет это — создается кооперативная организация овцеводов.

„С 1920 года он (В. Ибраимов) связан с ними (речь идет о бандите Хайсерове и других, *А. Б.*). В 1927 году они творили те же безобразные дела, что творили и несколько

лет тому назад. Они его знают, он их знает... все это доказывает, что они идеологически связаны между собой... идейно они не разоружились".[1] Это в полной мере относится к связи не только с таким типом, как Хайсеров, но и с миллифирковским центром.

Усложнившаяся обстановка, укрепление Советов, огромный рост авторитета и влияния коммунистической партии заставили миллифирковцев пересмотреть программу партии. На одном из совещаний такая переработка была поручена отдельным лицам. В связи с разногласиями одно время в партии усилилась борьба групп по вопросам тактики и произошла смена руководства. Однако, найти в архивах набросок новой программы не удалось, не удалось точно установить и причину разногласий. В основном она сводилась к тому, чтобы приспособиться еще лучше к условиям нелегального существования. Другая группа требовала изменить программу настолько, чтобы она соответствовала конституции Советской власти. Проектировалось изменить и самое название партии, причем выдвигался ряд вариантов: „Уриети-Миллие-Джемиети" (о-во нац. революционеров), „Иттихади-Миллие" (нац. единение), „Джемиет-Ильми-е-ве-Миллие" (нац. научное о-во).

Это было уже в момент полного абсолютного распада, когда партия превратилась в оторванную группку сектантов в десяток лиц, потерявшую всякую связь с массами, потерявшую всякую социальную опору. В момент, когда тяжелая рука пролетарской диктатуры и успехи соц. строительства положили конец ее существованию.

Партия завершила свой бесславный путь.

Но Милли Фирка — это не изолированная организация. Она является одним из отрядов султангалиевщины, крепкой, сколоченной организации, своеобразным „цветом" султангалиевских отделов на местах. Если рассмотреть некоторые основные положения, которые выдвигал Султан-Галиев, и сопоставить их с программами-положениями и действиями миллифирковцев, то мы найдем полное тождество и основных принципиальных положений и действий.

---

[1] „Дело В. Ибраимова и других". Речь государственного обвинителя. Изд. Крымгосиздата.

Султан-Галиев пишет: „Я выдвинул принцип необходимости прежде всего, образования, так называемого, Туранского государства, как народной демократической республики на основе государственного капитализма". Это обуславливает изоляцию Крыма, как замкнутого национально-буржуазного государственного объединения, от Советского Союза, обуславливает „народно-демократический" характер этого образования.

Миллифирковцы в Крыму практически работали над этими задачами. Все их усилия до 1920 года и за время нелегального существования уже при Советской власти сводились в первое время к задержке социалистической революции, к тому, чтобы удержать революцию на ее буржуазном этапе („народно-демократической"), и во второй период—к тому, чтобы приспособить Советы, как организационную форму, к тем же буржуазно-демократическим целям.

Султан-Галиев ждет непременной гибели Советской власти и считает, что вопрос этот предрешен, что дело только во времени. В одном из воззваний, разосланном султангалиевским центром, мы читаем: „Россия двинуться вперед не сможет. Бросая знамя марксизма и делая крутой поворот, не сможет отступать и назад. Остается лишь один путь: подготовка почвы правизне, постепенное создание внутри партии правого уклона".

Султан-Галиев говорит о неизбежном перерождении пролетарско-классовой природы Советской власти. Миллифирковцы же, начиная с 1920 года, проникая во все органы Советской власти, исходили из этой именно предпосылки и практически работали над этим. В статье „По поводу татаризации советских учреждений"[1] один из лидеров Милли Фирка А. Озенбашлы дает развернутую программу политических устремлений нового периода существования партии (с 1920 г.); он говорит, что татаризация советских учреждений (не коренизация, т. е. вовлечение в органы власти представителей всех местных национальностей—этого охва-

[1] Статья напечатана в татарской газете „Ени-Дунья" № 12 от 12/II—1922 г. со следующим примечанием: „Хотя в статье Озенбашлы имеются некоторые принципиально-противоположные моменты, мы печатаем ее в порядке дискуссии. Ред. кол." (перевод Леманова).

ченные узким национализмом лидеры М. Ф. не хотят знать), признание татарского языка государственным — есть начало своеобразной эволюции и, следовательно, имеются все основания ждать „от Советской власти, правильно произнесшей в разрешении национального вопроса букву „а“, и букву „б“.[1]

Каким же образом миллифирковцы представляют себе эту букву „б“?

Формы государственного строительства должны устанавливаться,—говорит Озенбашлы,—„с точки зрения их жизненности“, а раз это так, то вывод отсюда он делает такой:

„ ... в центральной России, где промышленный капитал достиг высшей степени своего развития, советский режим управления, представляющий собой диктатуру и власть только одного рабочего класса, если и может быть принят исторически закономерным... то *желание применить такой режим управления в отношении мусульманских масс, проводящих еще частью кочевой образ жизни и частью только вступивших в период торгового капитала, решительно не может быть жизненным делом*“.

Чем это отличается от рассуждений Султан-Галиева? Здесь полное тождество исходных положений. Восточные нации должны пережить предшествующие фазы общественного развития, они должны дозреть для осуществления диктатуры пролетариата, Советская власть, видите ли, должна помочь им в этом, находясь в постоянном блоке со всеми восточными национальностями против империалистического Запада.

„Мы хотим... чтобы помогли нам, восточным народам, пройти предначертанные нашими экономическими предпосылками периоды, а не то, чтобы повели нас, заставляя перепрыгивать через эти периоды, к образу правления, которого мы не сможем понять и с которым мы не сможем освоиться“.

Иначе говоря—не мешайте росту национального торгового капитала на Востоке, а в частности, в Крыму; не навязывайте диктатуру рабочего класса; для этого нет предпосылок; ваша

[1] Из статьи А. Озенбашлы. Последующие цитаты взяты оттуда же.

задача должна лишь сводиться к защите восточных национальностей от натиска империалистов. Остальное — наше внутреннее, национальное дело:

„Для Туркестана, Киргизии, Башкирии, Татаристана, Кавказа и Крыма должен быть принят принцип не классовой, а национальной власти".

Читай — национально-буржуазной власти, которую с упорством в течение ряда лет практически выпестовывали миллифирковцы в Крыму.

Миллифирковцы практически работали над удушением Советской власти в Крыму в первый период своего существования и позднее, когда они были уже организационно связаны с султангалиевским центром, они работали над выхолащиванием пролетарско-классовой сущности Советской власти, работали над ее перерождением „в народно-демократическую", читай — в буржуазно-капиталистическую.

Султан-Галиев в одном из документов говорит: „Партию я мыслил как массовую рабоче-крестьянскую, социалистическую партию, основные кадры которой должны состоять из замаскированной части правых туземных коммунистов. Актив ее должен вербоваться из среды туземных рабочих и крестьян, „туземной интеллигенции".

Миллифирковцы к этому вопросу подходили так же, они мыслили, что —

„Не стремясь во что бы то ни стало создавать в указанных странах классового характера коммунистическую партию, нужно помогать развитию зародившихся в них революционных сил".

В течение длительного периода упорно из года в год, хотя и безуспешно в итоге, они работают над этой задачей. Они пытаются обработать отдельных членов коммунистической партии и добиваются того, что подчиняют себе нескольких человек (Вели Ибраимов, Ногаев и пр.).

Верные директиве султангалиевского центра, они работают над объединением махрово-националистической контрреволюционной национальной интеллигенции.

Основное руководящее ядро этой партии как раз состояло из такой буржуазной интел-

лигенции: в руководящей группе из 35 человек мы имеем: учителей — 25, врачей — 2, юристов — 1, торговцев — 7, земледельцев — 2, служителей религиозного культа — 2, без профессии — 1.

Тождество основных принципиальных политических положений и тождество практической работы обусловливается не только классовой природой обеих этих организаций. Оно обусловливается постоянной, систематической связью и руководством султангалиевского центра в практической работе миллифирковцев за последний нелегальный период их существования. Они были связаны с султангалиевским центром через целый ряд лиц, в частности, эту связь осуществлял Вели Ибраимов, Ногаев, Фирдевс и другие. Через них осуществлялось руководство и оказывалась помощь миллифирковцам. Что миллифирковцы были не плохим отрядом султангалиевского центра, об этом свидетельствует такой факт — миллифирковцам одно время было предложено подготовить на южном берегу Крыма совещание, созываемое султангалиевским центром.

Через султангалиевский центр миллифирковцы были связаны с заграницей. Кроме того, непосредственно они были связаны с Турцией и всей зарубежной эмиграцией из Крыма.

Героические усилия трудящихся не только перекрыли миллифирковское вредительство, но и обеспечили на сегодняшний день могучий размах коллективизации крестьянского хозяйства, в том числе среди татарского трудящегося населения, правильное решение земельного вопроса в Крыму, обеспечивающее в первую голову интересы бедноты и среднего трудового крестьянина, общий рост всего хозяйства при дальнейшем уменьшении удельного веса капиталистических элементов на Крымском полуострове.

Таким образом, с начала своего возникновения в 1917 году Милли Фирка вела единую линию задержки перерастания буржуазно-демократической революции в Крыму в революцию социалистическую. Она ничего не дала за весь период ее существования татарской крестьянской бедноте и рабочему классу. Свою контрреволюционную сущность она ярко демонстрировала — в период первой схватки революционных

масс с, так называемыми, демократическими элементами, в период существования первой Советской власти в Крыму, в период правительства Сулькевича, правительства Соломона Крыма, в период второй Советской власти в Крыму, во время Деникина и Врангеля. Наконец, во время установления Советской власти в Крыму в 1920 году она не сложила оружия и продолжала борьбу, стремясь выхолостить сущность Советской власти и использовать ее как форму для своих буржуазно-демократических целей.

Успехи социалистического строительства, разгром султангалиевского и миллифирковского центров, широчайшая поддержка мероприятий Советской власти трудящимися национальными массами, единственно правильно разрешающей национальный вопрос, обусловили изоляцию национально-буржуазных элементов от влияния на трудящиеся массы. Надежды Милли Фирка на перерождение классовой природы Советской власти биты жизнью. Еще один организованный отряд международной национально-буржуазной контрреволюции сходит со сцены.

Практикой советского строительства в Крыму сейчас в период обострения классовой борьбы, особенно в связи с ликвидацией кулачества как класса, в частности национального кулачества, надо предотвратить всякие попытки влияния осколков Милли Фирка, пытающихся использовать отдельные затруднения социалистического строительства, путем неустанного разоблачения контрреволюционной националистической, буржуазной сущности их выступлений.

VI. ПРОГРАММА БУРЖУАЗНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Но представление о Милли Фирка будет не полно, если хотя бы коротко, хотя бы по основным вопросам не затронуть ее политической программы.

В свое время кое-кто из активных работников Милли Фирка пытался прикинуться простачком и утверждать, что партия не существовала, что была лишь группа единомышленников, не скрепленная организацией и дисциплиной. Вздорность, близорукость этого утверждения, рассчитанного на простачков, теперь всем очевидна.

Партия, как мы видели из материалов, существовала ряд лет и представляла собою разветвленную организацию с единым центром (Центральный комитет—Чрезвычайка), с низовыми отделениями на местах, с партийной дисциплиной, совещаниями, борьбой групп и т. д. Наконец, партия имела свою политическую программу. В архивных документах мы находим две программы: одну, относящуюся к моменту самого возникновения партии — к июлю месяцу 1917 года, короткую, отличающуюся большой политической наивностью. Авторами этой программы были — Челебиджан-Челебиев, Джафер Сейдаметов, Хаттатов, Абляким Хильми, Озенбашлы, Айвазов, Аблаев и др. И другую, более подробную, текст которой написан почти тем же составом лиц позднее, когда руководители партии прошли уже большую политическую школу и кое-чему научились. Эта программа отдает большой либеральной „левизной“, появление которой можно объяснить лишь революционным напором масс. Партия „полевела“ для того, чтобы овладеть движением масс, вправить его в русло контрреволюции и потом спустить на тормазах. Наибольший интерес представляет собой этот второй вариант по следующим соображениям.

Разбор первого варианта программы дал бы возможность националистам оправдываться ссылкой на то, что в рамках буржуазной февральской революции эта программа ничем не отличалась от десятка программ других „социалистических“ партий. Поэтому разбор второго варианта программы М. Ф., „умудренной“ опытом ожесточенной классовой борьбы 1917 и 1918 гг., задача куда более интересная.

Второе соображение, которое заставляет заняться разбором именно этого второго варианта, сводится к следующему: она наиболее законченно выражает политические стремления партии. Программа подробно охватывает все области общественно-экономической жизни: вопрос о власти, земельный вопрос, рабочее законодательство, дело народного образования, юстиции, религии, организационное строение самой партии и т. д.[1]

Мелкобуржуазная, контрреволюционная сущность партии сказывается уже в первой части программы — в вопросе о государственной власти.

В годы жестокой классовой борьбы (в 1917, 18 и 19 гг.) этот вопрос имел исключительное значение. Две борющиеся силы противостояли друг другу: трудящиеся и буржуазия. Партия рабочего класса — коммунистическая партия — открыто заявляла, что в советском государстве:

„Вся власть принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах“. Так формулирован один из пунктов „декларации прав трудящихся“ в 1918 году.

Вопрос о власти решался не голосованием, не парламентскими резолюциями, а оружием, борьбой. Так именно и было в Крыму.

[1] Первый набросок, помимо того, что краток и обходит ряд актуальных для того времени вопросов, в значительной своей части переходит в перечень мероприятий, которые должен проводить Курултай. Программа политической партии, таким образом, целиком сливается с программой действий нац.-буржуазного правительства. И это неудивительно: одна и та же группа возглавляла партию и Курултай и не допускала, очевидно, возможности воздействия на Курултай со стороны других политических партий.

Группа большевиков во главе с т.т. Островской, Гавеном и др., вела энергичную работу по революционизированию матросских и рабочих масс в Севастополе. Незначительные по численности группки большевиков вели такую же работу в Феодосии, Евпатории, Ялте, Симферополе. Первая Советская власть в Крыму была создана в результате вооруженной борьбы с силами контрреволюции — русской и национальной татарской буржуазией.

Не так ставила, да и не могла ставить так вопрос о власти Милли Фирка. Она не могла говорить открыто о диктатуре национальной мелкой буржуазии. В вопросе о власти она свою тактику целиком заимствовала от русских конституционалистов-демократов (кадетов) и диктатуру над трудящимися прятала под вывеской народных „свобод", „равноправия" и прочих буржуазных прелестей.

„Партия требует создания в Крыму подлинной народной республики и признания в широком смысле свободы всех наций, заселяющих Крым, как в национальном, так и в культурном отношении" (§ 1 программы).

„Партия требует, чтобы все население (без различия религии, секты, нации, класса) как мужчины, так и женщины, перед законом были равными" (§ 7 программы).

За кадетами она повторяла в Крыму отвратительную ложь о внеклассовом государстве, перед которым все „равны". Она стирала грань между трудящимися и эксплоататорами: между мурзаками и безземельной, нищей татарской беднотой, между русскими помещиками и батраками, между кулаком и деревенским пролетарием, наконец, — между капиталистом и рабочим. На деле такое „равноправие" означало оттеснение от всякого участия в руководстве государственным строительством трудовых слоев населения, задавленных нуждой, жестокой эксплоатацией на фабрике, в мастерской, на скопщине, у кулака. Сейчас даже для наиболее отсталых слоев трудящихся ясно, что означает на Западе в капиталистических странах „быть равными".

Кстати сказать, равенство наций, провозглашенное в первом пункте программы, ограничивается вторым пунктом: „Партия свои решения проводит через парламент,

выбранный лицами только крымскими (имеющими связь с Крымом, т. е. оставшимися в Крыму 5-10 лет), достигшими 21-летнего возраста, путем всеобщего, равного и тайного голосования“ (§ 2 программы).

Иначе говоря, все население, прожившее в Крыму менее пяти лет, устранялось от участия в политической жизни. Но в связи с этим пунктом нас интересует другой вопрос — основной верховной властью в стране Милли Фирка считает парламент. Парламент, который избирается от всего населения, в том числе и от нетрудовых его слоев, наиболее искушенных в общественно-политической жизни, активных, развитых. Место в этом парламенте при темноте масс, в частности трудовых татарских масс, их политической неосведомленности, обеспечивалось за беями, мурзаками, капиталистами, крымскими помещиками. За ними обеспечивалось и руководство всей хозяйственной и политической жизнью страны. А все „свободы“, при том условии, что буржуазия попрежнему владела фабриками, заводами, банками, типографиями и всеми другими средствами и способами экономического и идеологического воздействия,— эти „свободы“ ничего не давали рабочим и крестьянской бедноте. „Свободное, равное и тайное“ голосование — эта излюбленная мишура всех мелкобуржуазных партий — было только приманкой на контрреволюционный крючок. Диктатура помещиков, капиталистов, кулачества — так должна бы написать партия на своем боевом знамени. Но она не могла и не сделала этого.

Права „личности“ были ограждены всеми традиционными установлениями, которые полагаются по штату во всяком добропорядочном буржуазном государстве:

„Партия признает свободу слова, т. е. каждый может говорить и помещать в печати то, что мыслит и думает“ (§ 10).

„Партия защищает основу создания обществ и союзов без всяких разрешений“ (§ 12).

„Партия защищает основу, чтобы никто без постановления судов или юстиции не подвергался бы аресту, а также ни у кого не производился бы обыск и не просматривались бы письма и переписка“ (§ 13).

„Партия стремится, чтобы арестованное лицо в течение 24 часов было передано в суд“ (§ 14).

Особой иронией звучит этот последний пункт сейчас, когда с достоверностью установлено, что первое правительство Советской республики Тавриды расстреляно эскадронцами, организованными под руководством Милли Фирка.

Теперь на тяжком, кровавом опыте трудящиеся в полной мере убедились в прелести „свободы“ слова, печати, совести, создания обществ и т. д. и т. п. во время керенщины, в Крыму при Врангеле, Деникине, в Сибири при Колчаке, на Украине во время петлюровщины. А ведь везде и всюду во время гражданской войны буржуазно-помещичий террор неизменно сопровождался декларациями всяческих свобод. Все эти „свободы“ в Крыму в конечном итоге должны были прикрывать наготу политического господства буржуа, помещика, кулака. Эти „свободы“ должны были служить шорами на глазах трудящихся, ловким тактическим маневром более опытного политического противника,— не больше.

Вся эта часть программы не содержит пунктов, ограждающих интересы рабочего класса, интересы обезземеленной, задавленной нуждой татарской бедноты. Классовые интересы трудящихся замазывались туманными, лживыми лозунгами. Ибо без политической власти нельзя получить политических свобод, без ее завоевания нельзя отобрать землю у мурзака, у помещика, фабрику у капиталиста.

И если сегодня бывшие миллифирковцы кое-где, среди нашей молодежи, еще себя выдают за борцов национальной независимости, за непризнанных „революционеров“,— надо им сказать, что с того момента, когда они противопоставили себя Советам, — они делали контрреволюционное дело.

Еще более ясно контрреволюционная сущность Милли Фирка сказалась в программе по земельному вопросу. Казалось бы, что наличие 40-50 процентов безземельных крестьян в Крыму, особенно резкое обезземеление татарской бедноты — обязывало партию, руководительницу „подлинной народной республики“, какой она себя считала, к быстрому, коренному изменению землепользования.

Экспроприация обширных площадей земли у помещиков, мурзаков, захват их трудовыми слоями крестьянства, и в том числе татарского крестьянства,— вот что стояло на очереди. Именно так, по-революционному, и ставится вопрос (в Крыму) Советами рабочих и крестьянских депутатов в 1918 году:

„Все земли нетрудовых частновладельческих хозяйств и могущие остаться неиспользованными... воды местного значения и леса переходят в ведение и распоряжение Советов рабочих и крестьянских депутатов на местах". [1]

Землю эту,— говорит дальше Совет, —

„Предоставить гражданам, не имеющим как своей земли, так и арендной, а также и малоземельным, но желающим заниматься сельским хозяйством, на весенний посев 1918 г."

Представители рабочего класса и трудового крестьянства только так и могли решать земельный вопрос в Крыму, где всей массе крестьянства принадлежало только 18 процентов земли, т. е. 424.000 десятин из 2.360 тыс. десятин всей площади.

Иначе этот вопрос решает Милли Фирка. Партия считает, что такой (революционный) подход будет неправилен, что он противоречит „священному" праву собственности.

„Партия, оставляя нетронутыми земли, виноградники и сады мелких хозяев, для казны будет выкупать по справедливой цене часть земель у крупных землевладельцев с тем, чтобы их распределить безземельным" (§ 23 программы Милли Фирка).

Частновладельческой земли к 1917 году было 1.534.250 десятин. Сколько же надо было средств, чтобы выкупить у баев, мурз, русских дворян и помещиков эту землю?

При скромной цене по 100 руб. за десятину потребовалось бы дать помещикам 153 мил. рублей. Да и кто мог поверить, что помещик продаст всю землю. А если он и продаст — где могло взять правительство деньги на эту операцию, если не с того же крестьянства.

Где, в какой срок можно было получить такую сумму?

---

[1] Из Инструкции Совета рабочих и крестьянских депутатов по земельному вопросу 1918 года, §§ 1 и 2.

Выкупить землю в переводе на простой язык — значит купить землю самому крестьянину. И в этой части программа Милли Фирка повторяет старую песенку русских кадетов о выкупе и „справедливой оценке“ земель.

Даже на земли религиозных организаций Милли Фирка не решалась посягнуть. Параграф 22 так определяет судьбу этих земель:

„Партия стремится, чтобы те земли, которые принадлежат национальным религиозным учреждениям, по возможности этими учреждениями давались бы народу на дешевых началах в аренду...“

Трогательная заботливость о судьбе этих земель звучит в программе: „по возможности“ и „в аренду“. Разве этого ждало от революции трудовое крестьянство? Разве аренда могла когда-нибудь удовлетворить?

До 80.000 десятин земли принадлежало различным религиозным организациям. Крестьянство арендовало эти земли по высоким ценам, и партия санкционирует, узаконивает это положение.

Есть в программе еще одно „утешение“ для крестьянства — требование партии, направленное к вакуфным органам:

„Вакуфные учреждения будут стараться оказывать помощь в закупке для деревень средств производства, могущих улучшить и повысить земледелие“.

От мулл, от матерых реакционеров должна придти агропомощь и помощь в машинизации крестьянских хозяйств. Кто мог поверить этой глупой болтовне?

В заключение успокаивающее заявление:

„Вакуфные учреждения будут стремиться не к выгодам от сдаваемых в аренду вакуфных земель, а к передаче за минимальную цену в аренду беднякам путем правильного распределения“ (§ 8 раздела о финансово-вакуфных делах).

Основные разногласия между миллифирковцами и наиболее контрреволюционной частью духовенства и буржуазии возникали как раз по вопросу о доходах от вакуфов. Молодое национальное правительство нуждалось в средствах. Вакуфы были единственным серьезным источником этих средств, по крайней мере, на первое время.

Прогрессивный налог, о котором говорит программа, на деле встретил бы бешеное сопротивление со стороны хозяина положения — национальной татарской буржуазии, и единственным верным источником средств были вакуфы. Мало вероятного в этом последнем заявлении партии о дешевизне вакуфных земель, о минимальных ценах.

Вместо того, чтобы национализировать землю, отобрать ее у мурз, русских помещиков, монастырей,— дается обещание выкупить „часть их для передачи крестьянству".

И все это сдобрено очень туманными, сбивчивыми заявлениями партии в § 19 программы:

„Владельцами всех земель являются общества".

Каких „всех земель"? Речь идет о тех 18% земельной площади Крыма, которые принадлежали крестьянским обществам на правах общинной собственности, но ведь это не „вся" земля. Где же остальные 82%? Кто же поверит, что этот пункт говорит и о помещичьей земле, раз ее надо еще купить.

Но даже в отношении этих 18% провозглашается владельцем не государство, не трудящиеся, а общества, включающие и тунеядцев — кулаков.

План „разрешения" земельного вопроса четко вскрывает буржуазную сущность партии. Так решать вопрос могли только буржуа — собственники земель.

И разве позднее в кампании антисемитизма, поднятой в связи с переселением трудящихся евреев, миллифирковцы не были первыми застрельщиками? В этом акте они видели ущемление своих национальных интересов, здесь в них говорило и чувство хозяина-собственника.

Разве не миллифирковцам принадлежит „авторское право" на проект обратного вселения в Крым татар, эмигрировавших раньше из Крыма? Разве не им принадлежит проект массового выселения татарской бедноты из южных районов в степь при условии оставления кулаков на их прежних местах?

Разрешение земельного вопроса так, как его ставила Милли Фирка в период 1917—1920 гг., противопоставлялось лозунгу национализации земли и было контрреволюционным. Под лозунгом национализации земли объединялась

деревенская беднота и все трудящееся крестьянство Крыма, руководимое коммунистической партией; под лозунгом „справедливого выкупа“ — кулачество, помещики, капиталисты. Их интересы были основательно предусмотрены и отражены в программе Милли Фирка.

Пусть знает татарская беднота и все крестьянство, что преподносили миллифирковцы под сладкий напев о „справедливом“ выкупе земель: готовили кабалу и безземелье бедноте, а кулакам и помещикам привольное хозяйничанье и возможность широкой эксплоатации и обогащения.

Еще более консервативно, контрреволюционно выступала партия в области религиозного вопроса. При разрешении этого вопроса в прошлом столетии буржуазия всех стран, всех мастей проявила большой радикализм. А революция 1871 года стоит недосягаемо высоко над потугами миллифирковцев. В одном из решений Парижской коммуны мы находим следующее место:

„Принимая во внимание, что основным принципом Французской республики является свобода ... что в действительности духовенство было соучастником в преступлении монархии против свободы, постановляет:

§ 1. Церковь отделяется от государства.

§ 2. Церковный бюджет упраздняется.

§ 3. Так называемые неотчуждаемые имущества, принадлежащие религиозным конгрегациям, как движимые, так и недвижимые, объявляются национальной собственностью“.

В начале двадцатого века национальная татарская буржуазия осталась далекой от такого решения. Милли Фирка, в своей программе заявила:

„Партия, считаясь со свободной совестью, признает, чтобы никто за свою религию, секты, верования, а равно из-за перехода из одной религии в другую не преследовался и не притеснялся бы“ (§ 7 программы).

И дальше в программе говорится:

„Партия осуществляет тот принцип, чтобы ни одна религия или секта не предпочиталась бы перед другой и не бралась бы под защиту“ (§ 9).

Чем на первый взгляд отличается такое решение вопроса от решения Советского пролетарского правительства?[1] Но присмотримся ближе. Если первый из приведенных выше пунктов (7) звучит некоторым либерализмом, то второй является наглой, ничем не прикрытой ложью со стороны Милли Фирка. И не потому только, что руководитель партии и руководитель первого национального правительства Челебиджан Челебиев вместе с тем был главой церкви — муфтием и, таким образом, помогал церкви. А потому, что дальнейшие пункты программы находятся в вопиющем противоречии с заявлением § 9-го. Потому, что в следующих пунктах программа обуславливает полное слияние церкви с государственным аппаратом, опекает ее, предоставляя широчайшее поле действия и помощь со стороны государства по целому ряду вопросов: в подготовке религиозных кадров; в захвате влияния в школе и религиозном воспитании молодежи; в вмешательстве в целый ряд судебных дел.

Просмотрим по порядку группу этих вопросов.

Как уже отмечено — партия ставит своей целью — „чтобы ни одна религия или секта не предпочиталась бы перед другой". Это значит — партия своим влиянием не оказывает помощи ни одной религиозной организации, ни одной религии. А между тем в другой части программы она проявляет трогательную заботливость прежде всего об основных кадрах религиозных заправил:

„Партия требует от религиозного директората периодически созывать религиозных служителей для прохождения кратковременных курсов" (§ 24 2-го раздела программы).

Поистине — правая рука не ведает, что творит левая. Ведь тут уж не предпочтение, а прямая помощь. Партия заботится о своеобразной политической переподготовке мулл и других служителей религиозного культа, чтобы тем крепче обеспечить их влияние (не за „прекрасные глаза" это делается), а через них — свое воздействие на массы.

[1] Конституция на этот счет содержит следующий пункт:

„В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами".

Но муллы нуждаются не только в идеологической переподготовке в соответствии с изменившейся обстановкой. На первом месте забота о хлебе насущном. И партия не обходит этого вопроса в своей программе.

„Для того, чтобы учителя и религиозные служители не терпели бы недостатка в жизни, партия будет стараться осуществить принцип страхования и пенсии" (§ 10 2-го раздела).

„Будет защищать, чтобы вакуфы полностью подчинялись бы национальному правлению и доходы, получаемые от них, расходовались бы на просвещение... и на улучшение жизни религиозных служителей" (§ 4 2-го раздела).

Партия откровенно берет под свою опеку мулл — их подготовку (а русских попов и раввинов? Надо бы заодно и им помочь, раз „все религии равны"). О муллах она заботится в такой же мере, как и об учителях. Отбирая доход от вакуфов, этот источник обогащения бездельников и тунеядцев, партия вместе с этим хочет, чтобы муллы „не терпели бы недостатка в жизни". Доходы от вакуфа, т. е. в основном от вакуфных земель, до которых так крепко тянулось изголодавшееся по земле татарское крестьянство, партия хочет использовать — „на улучшение жизни религиозных служителей".

Заботу о мечетях партия, повидимому, ставит даже выше, чем заботу о школах. Практически это было целесообразнее: мечети есть везде, в них можно вести обучение, школ мало, поэтому надо сначала восстановить мечети — это потребует меньше средств. А учить и в мечети можно, да и мулле это удобнее. Поэтому по директиве партии —

„Вакуфное учреждение будет расходовать деньги на улучшение деревень, на постройку, постепенно, как в городе так и в деревнях, новых зданий, на ремонт мечетей и школ" (§ 6 разд. 2).

Забота о мечети впереди. Очень туманно обусловлена помощь по другим направлениям.

В самом деле, — как это понимать — „деньги на улучшение деревень"... Или — „на постройку... новых зданий". Каких зданий? Кому, как, когда будут помогать в деревне? А насчет постройки зданий включена очень хорошая ого-

ворка — строить будут „постепенно“. Зато о мечетях сказано определенно — „ремонт мечетей“ и даже не постепенный. Партия, таким образом, поддерживает религию и вовсе не бесцельно: она обеспечивает свое влияние на широко-разветвленный религиозный аппарат и делает это следующим образом: при правительстве для руководства религиозной работой должен быть созван особый орган — директорат религии и —

„Поскольку смещение и назначение религиозных служителей относится исключительно к директорату религии, то он раз в три месяца должен докладывать в парламент“ (§ 27 2-го раздела).

Директорат этот — и „агитпроп“, и „учраспред“ национального правительства с широко разветвленными отделениями, со штатом по своему подготовленных, послушных и фанатичных агитаторов-мулл с хорошо обставленными аудиториями-мечетями.

Будучи в известной мере автономным нанизу — вверху он полностью сливается с государственным аппаратом, составляет его часть, и яркое неприкрытое завершение эта „смычка“ находит в назначении руководителя национального правительства — Челебиджана-Челебиева — муфтием. В одном лице, таким образом, совмещается руководство государственно-политическое с религиозным.

Все эти хорошие обещания не могли, однако, сломить непримиримое отношение духовенства к миллифирковцам и Курултаю. Почти все время часть его находилась в оппозиции национальному правительству и всякий раз, когда последнее ослабевало (так было, например, при Деникине), — на смену ему появлялось магометанское духовное управление со съездом своих улемов (ученых священнослужителей). Лакомая „синица“ в руках — вакуфы, с верным источником доходов, были лучше тощего миллифирковского журавля в небе.

Советы во главе с коммунистической партией с первых же дней изгнали из школ преподавание религиозных вопросов и не только отделили церковь от государства, но и школу от церкви.

От мерзкого разлагающего влияния религии, размагничивающего волю трудящихся к борьбе, — надо было прежде освободить юные поросли трудящейся молодежи.

Иначе подходят к этой задаче миллифирковцы. Вначале для левой фразы (очень туманной и двусмысленной) они декларируют так в своей программе:

„Обучение должно быть свободным, причем в делах просвещения государство не должно преследовать каких-либо политических целей“ (§ 34).

От кого, от чего должно быть свободным обучение? Если речь идет о свободе от политического воздействия — это звучит большой наивностью. Нет в мире страны, где школа не находилась бы под влиянием, прямым или косвенным, государственной политической системы. Но этот пункт программы является единственным, где настоящие цели Милли Фирка не произнесены достаточно внятно. По целой группе других вопросов она откровенно до цинизма оголяет клерикальную идеологию руководителей партии.

Милли Фирка „будет стремиться, чтобы во всех наших национальных школах действительно преподавалась бы религия“ (§ 26 2-го раздела).

„Партия соглашается с тем, что в медрессе преподавались бы основательные знания и науки, вместе с этим будет стараться, чтобы в медрессе обучались истинно религия и чтобы арабские сочинения были бы улучшены“ (§ 25 2-го раздела).

Напоить религиозным дурманом молодежь, начиная от первой ступени обучения, кончая высшей школой („для тщательного исследования религии посылать учеников и учениц в высшие мусульманские религиозные учреждения“), обособить ее, крепче подчинить своему влиянию — вот цель.

Какой бы другой вопрос мы ни взяли — мы не найдем в программе отражения интересов трудящихся масс. Это — программа буржуазной контрреволюции, программа закабаления широких трудящихся масс национальной буржуазией. Она должна стать известна массам, чтобы они оценили еще более „заслуги“ Милли Фирка — этого отряда международной контрреволюции.

И программа Милли Фирка и, еще в большей мере, ее борьба против надвигающегося социалистического переворота в Крыму подтверждают оценку тов. Сталина[1] роли окраинных национальных правительств:

„Иные изображают борьбу окраинных „правительств“ как борьбу за национальное освобождение против „бездушного централизма“ Советской власти. Но это неверно. Ни одна власть в мире не допускала такого широкого децентрализма, ни одно правительство в мире не предоставляло народам такой полноты национальной свободы, как Советская власть в России. Борьба окраинных „правительств“ была и остается борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии“.

[1] И. Сталин. Октябрьский переворот и национальный вопрос. (1918 г.). Сборник „Маркс. и национальный вопрос“ Изд-во „Пролетарий“, 1923 г.

VII. ДОКУМЕНТЫ

ПРОГРАММА МИЛЛИ ФИРКА

Да здравствует единение наций

Крымско-татарская национальная партия

I. ФОРМА УПРАВЛЕНИЯ

1. Партия требует создания в Крыму подлинной народной республики и признания в широком смысле свободы действия всех наций, заселяющих Крым как в национальном, так и в культурном отношениях.

2. Партия свои решения проводит через парламент, выбранный лицами только крымскими (имеющими связь с Крымом, т. е. оставшиеся в Крыму 5-10 лет), достигшими 21-летнего возраста, путем всеобщего, равного и тайного голосования.

3. Для того, чтобы утвердить во всеобщей мирной конференции вынесенные парламентом постановления, партия будет настаивать на посылке уполномоченных в конференцию со стороны парламента.

4. Партия законной силой в Крыму признает Всекрымский парламент и стоит на защите образования Крымского государства из большинства доверенных парламенту с тем, чтобы оно являлось ответственным перед ним.

Дела управления

5. Партия стремится полностью обеспечить в стране управление на широкой децентрализации, защищая, чтобы городские и земские управления, основанные на демократии, выбирались бы на 3 года, причем предоставить им широкие права в земельно-хозяйственных делах и в соз. милиции.

6. Партия стремится упразднить в стране постоянную армию, обеспечив спокойствие страны народной милицией.

Права личности -

7. Партия стремится, чтобы все на селение (без различия религии, секты, нации, класса) как мужчина, так и женщина перед законом были равными.

8. Партия, считаясь со свободной совестью, признает, чтобы никто за свою религию, секты, верования, а равно из-за перехода из одной религии в другую не преследовался и не притеснялся бы.

9. Партия осуществит тот принцип, чтобы ни одна религия или секта не предпочиталась бы перед другой и не бралась под защиту.

10. Партия признает свободу слова, т. е. каждый может говорить и помещать в печати то, что мыслит и думает.

11. Партия стремится к осуществлению того принципа, чтобы каждый как в помещении, так и под открытым небом имел бы право устраивать собрания для обсуждения и разрешения каких бы то ни было вопросов.

12. Партия защищает основу создания обществ и союзов без всяких на то разрешений.

13. Партия защищает основу, чтобы никто без постановления судов или юстиции не подвергался бы аресту, ни у кого не производился бы обыск, а также не просматривались бы письма и переписка.

14. Партия стремится, чтобы арестованное лицо в течение 24 часов было передано в суд.

15. Партия стремится, чтобы паспорта были бы упразднены как внутри страны государства, так и вне.

Экономические и финансовые дела

16. Партия является сторонником упразднения всех налогов, за исключением подоходного налога и налога от наследства. Этот налог будет увеличиваться как в величине, так и в процентном отношении по мере роста дохода (прогрессивно-подоходного налога).

17. Партия для того, чтобы дать дешевые и в изобилии средства производства для промышленности и земледелия, а также требуемых для населения предметов первой необходимости, будет защищать уменьшение таможенных пошлин.

18. Партия стоит за то, чтобы в Крыму была бы своя денежная система.

19. Владельцами всех земель являются общества.

Вопрос о земле

20. Партия стоит на защите того, чтобы земельный спор разрешался бы только Крымским парламентом.

21. Партия стремится, чтобы все ханские, казенные, а также с течением времени захваченные земли конфисковывались без выкупа, распределялись бы в определенном количестве и безвозмездно среди безземельного населения.

22. Партия стремится, чтобы те земли, которые принадлежат национальным, религиозным учреждениям, по возможности, этими учреждениями давались бы народу на дешевых началах в аренду или же эти земли оставались под владением самих учреждений, получаемые с них налоги взимались бы из государственных касс.

23. Партия, оставляя нетронутыми земли, виноградники и сады мелких хозяев, для казны будет выкупать по справедливой цене часть земель у крупных землевладельцев с тем, чтобы их распределить безвозмездно между безземельными.

24. Право владения землей распространяется только на поверхности земли, все же руды, за исключением камня, находящиеся в недрах земли, принадлежат государственной казне, и партия стремится, чтобы пользование этими рудами разрешалось бы особым законом; обнаруженные же руды в землях, принадлежащих благотворительным учреждениям, принадлежат всецело государственной казне.

Вопрос о рабочих

25. Партия считает своим долгом стремиться улучшать жизнь рабочих и разрешать на основе справедливости вопросы зарплаты.

26. Партия требует, чтобы ни один рабочий не использовывался бы больше 8 часов, имел в неделю 24 часа отдыха, не производились бы работы по вечерам, если не согласны с этим рабочие организации, а также чтобы подростки до 16-летнего возраста не работали бы больше 6 часов.

27. Партия требует, чтобы женщины, исполняющие работу, вредно отзывающуюся на здоровье, а также во время их беременного состояния освобождались бы на определенное время с тем, чтобы труд их за время освобождения оплачивался бы.

28. Партия стоит на защите того, чтобы жизнь всех лиц, кои во время работы потеряли полностью или частью трудоспособность, государством застраховывались бы из общего фонда.

29. Для того, чтобы предоставить работу рабочим, партия считает необходимым при местных органах создавать Биржи труда, в коих иметь представителя рабочей организации.

Дела правосудия

30. Судебные органы, подчиняясь закону, должны остерегаться от всякого вида вмешательства и давления.

31. Вопросы брака, развода и наследства каждой нации должны разрешаться своими рел. судами.

32. Судебные органы от всяких видов расхода должны быть избавлены.

33. Суды должны быть двоякого рода — первые, избираемые народом, и вторые, апелляционные суды, суды, назначаемые органами юстиции.

Дела просвещения

34. Обучение должно быть свободным, причем в целях просвещения государство не должно преследовать какие-либо политические цели.

35. В делах школ местные управления в своей деятельности ни в коем случае не должны быть разграничены.

36. Для облегчения поступления детей татар в гимназии при последних должны быть открыты подготовительные классы ввиде дополнительных.

37. В целях просвещения татар государственные и местные управления в пропорциональном отношении татар должны из бюджета просвещения выделить особый доход, на который и открыть школы.

38. В Крымском государстве в официальных средних и высших школах должно производиться преподавание на татарском языке.

39. Нужно стремиться побольше открывать в стране педагогических техникумов как для женщин, так и для мужчин, ремесленных школ, нежели университетов и высших школ, а также нужно стремиться улучшить первоначальные школы.

Высшие же школы должны быть полностью автономны.

40. Все первоначальные школы должны производить занятия на родном языке, бесплатно и принудительно. Государственный язык должен обучаться в последних классах. Если в гимназии собирается определенное количество какой-либо национальности, то преподавание должно вестись также и на их родном языке.

II. ОСНОВЫ, КОИ ПАРТИЯ ХОЧЕТ ОСУЩЕСТВИТЬ В НАЦ. ДЕЛАХ

1. Партия стоит на защите, чтобы Крымско-татарский парламент, не выходя из рамок основы законов Курултая, издавал бы постановления и распоряжения.

2. Партия никогда не откажется от защиты нац. управления на основе законной и его ответственности перед парламентом.

Финансово-вакуфные дела

3. Для правильного ведения финансовых дел в парламенте выделяется рев. комиссия, которая должна будет работать в определенное время, а также в совете директоров создает постоянный отдел с функциями ревизии, обязав его при открытии парламента сделать доклад о финансовых делах.

4. Будет защищать, чтобы вакуфы полностью подчинились бы национальному управлению и доходы, получаемые от них, расходовались бы на просвещение (медрессе, учителей, учеников) и на улучшение жизни религиозных служителей.

5. Настоять на том, чтобы вакуфы, получаемые в уездах, израсходовались бы в том же уезде, в случае повышения расходов они должны покрываться населением путем внесения налогов.

6. Вакуфное учреждение будет расходовать деньги на улучшение деревень, на постройку постепенно как в городе, так и в деревнях новых зданий, на ремонт мечетей и школ.

7. Вакуфные учреждения будут стараться оказывать помощь в закупке для деревень средств производства, могущих улучшить и повысить земледелие.

8. Вакуфные учреждения будут стремиться не к выгоде от сдаваемых в аренду вакуфных земель, а к передаче за минимальную цену в аренду беднякам путем правильного распределения.

9. Для покрытия расходов нац. управления, кроме дохода от вакуфов и помощи государства, будет взиматься с народа нац. налог ввиде прогрессивно-подоходного налога.

10. Для того, чтобы учителя и рел. служители не терпели недостатка в жизни, будет стараться осуществить принципы страхования и пенсии.

Дела, относящиеся к директорату по иностранным делам (возможно, указано иностран. ошибочно, нужно внутр.)

11. Будет стремиться открывать нац. банки, их отделения, а также по возможности больше создавать сберегательных касс.

12. Будет вести пропаганду за создание в каждой деревне общественной лавки, а в волостях и уездах крупные центральные их отделения, а также об оказании им всякого содействия.

13. Будет стремиться открывать различные т-ва для объединения нации вокруг них, а также будет стремиться путем этих т-в реализировать вырабатываемые на наших фабриках продукты.

14. Будет стремиться открывать ввиде санаторий учреждения по охране здоровья и удовлетворять как рел., так и нац. нужды в больницах и санаториях крымских мусульман.

15. Будет по временам устраивать конференции по поводу экономической жизни и восстановления нашего народа.

16. Будет стараться разъяснить народу о местных и национальных выборах и подготовить его к этим выборам.

Дела по просвещению

17. Партия будет стремиться открывать в каждой татарской деревне по одной начальной школе, в волостях по 2 выше начальных и по 1 гимназии, в уездах по одной ремесленной школе, а также увеличить педагогические техникумы и улучшить их всеми способами.

18. Для того, чтобы подготовить соответствующих научных специалистов, будет настаивать на посылке учеников и учениц в западные цивилизованные центры, а также для тщательного исследования религии посылать учеников и учениц в высшие мусульманские рел. учреждения.

19. Выработать проект о том, каким образом и сколько раз в официальных госшколах должен преподаваться татарский язык.

20. Для того, чтобы проводить в жизнь и полностью обеспечить преподавание, будет стараться путем высокой оплаты привлечь специалистов по обучению и воспитанию.

21. Для того, чтобы книги, написанные на других языках, относящиеся к литературе и знаниям, переводились бы на чисто турецкий язык и могли бы быть изданы, будет стремиться привлечь писателей путем выдачи им вознаграждения.

22. Через директорат по просвещению принудить в крупных мусцентрах и в каждом уезде открытие нац. библиотеки.

23. О всех выработанных проектах-программах для школ, а также все проекты, относящиеся к просвещению, будет требовать об обсуждении таковых на каждом собрании.

Дела юстиции

24. Споры, относящиеся к божественным законам, должны быть разрешены на основе религии и прав, и для создания органа правосудия и улучшения их приглашались бы лица, знающие законы божества и прав.

25. При главном директоре по делам финансов, по иностранным делам и просвещению должен будет работать постоянный ревизионный отдел из 2-х лиц.

26. Главный директор в 3 месяца один раз обязан в парламенте сделать доклад обо всем выполненном нац. деле.

III. ОСНОВЫ, КОИ ПАРТИЯ ЖЕЛАЕТ ОСУЩЕСТВИТЬ ВНЕ ПАРЛАМЕНТА

1. Партия будет стремиться со всеми тюркскими народами объединиться в знаниях, культурном и общественном отношении.

2. Для того, чтобы молодежь была бы с здоровым телом, хорошим нравом и крепка, партия будет толкать их на спортивные занятия, охотнические, морские, гимнастики и бега, а также для оживления нац. сцены и упорядочения оркестра будет проводить экскурсии как по Крыму, так и вне Крыма.

3. Для того, чтобы продолжать идею бессмертных наших великих националистов, будет стараться издавать их сочинения, распространять их портреты и воздвигать им памятники.

4. Будет стремиться, чтобы в парт. клубах были все газеты и журналы, издаваемые в других мусстранах, а также невредные для нрава серьезные рассказы и другие брошюры.

5. Будет стремиться, чтобы в клубах по временам знающими работниками проводились экономические и политические конференции.

6. Будет издавать на простом языке маленькие брошюры по поводу политики, экономии и важных языках.

ПАРТИЙНАЯ ИНСТРУКЦИЯ

1. . . . . . . партия состоит из крымских татар, согласившихся с программой и принявших инструкцию партии, а также состоит из газет, защищающих эту линию.

2. Партия будет стараться к победе на выборах для получения большинства с тем, чтобы осуществить свою программу в национальной палате депутатов и в Крымском парламенте, а также будет стараться проводить своих кандидатов на выборах земств и городских управлений.

Строение

3. Партия управляется одним общим председателем Всеобщего центра.

4. Всеобщий центр состоит из 15 членов, выбранных съездом всех уполномоченных отделений.

5. Всеобщий центр собирается в месяц один раз, причем в чрезвычайных случаях и случае требования семи членов собирается вне очереди.

Обязанности Всеобщего собрания

6. Всеобщее собрание состоит из членов Всеобщего центра и из партийных депутатов, входящих в парламент, каковые выносят постановления по поводу применения и толкования программы, а также об общих делах, относящихся к парторганизации по всем пунктам, доложенным Всеобщим центром и общим председателем, выносит свое решение. Определить необходимые обязанности в даче правильной реформы организации в палате депутатов партии и вне его. В необходимых случаях будет обсуждать и сноситься с другими политическими партиями.

Совместно с уездами согласует кандидатов в депутаты и сообщит им о месте всеобщего съезда всех уполномоченных.

7. Как Всеобщий центр, так и всеобщее собрание имеет отдельных председателей, причем в первый избирается самим Всеобщим центром, а во второй всеобщим собранием.

В случае отсутствия председателя всеобщего собрания его может заменить председатель Всеобщего центра.

Обязанности Всеобщего центра

8. В. Ц. создает в уездах, волостях органы партии и устанавливает между центром и ими связи, в нужных же случаях создает новые органы. На В. Ц. лежит обязанность следить за правильным ведением дел партии для осуществления линии партии. В. Ц. посылает из депутатов пропагандистов, путем газет и журналов направляет партийное мышление и возлагает обязанность проводить в жизнь намеченные задачи. В. Ц. является ответственным за финансовые дела партии.

Парторганы в уездах

9. В каждом уезде должно быть отделение партии, каковое управляется председателями, назначенными В. Ц. правлением выбранных на общих уездных съездах.

Обязанности председателей уездных отделений

10. Председатели должны быть связаны с членами партии и должны вести правильно дело в уездном органе, представляя ежемесячно Всеобщему центру доклад о состоянии органа, о проделанной работе и о росте организации. Они должны выполнять все распоряжения центра и наблюдать за своевременным собранием членов организации, вырабатывая повестку дня. Председатели совместно с членами правления уездных центров (отделений центра) избираются сроком на один год партийных инструкторов.

Председатель постоянно должен оживлять жизнь партии, в случаях надобности устраивать митинги, во всех важных политических и нац. вопросах подготовить партию, согласовав с правлением уездного центра, ставить в известность всеобщее собрание о намеченных кандидатах в депутаты (см. ниже пункт 13).

Обязанности центральных отделений в уезде

11. Центральное отделение в уезде собирается аккуратно в 15 дней один раз, в случае же необходимости и чаще. Центральное отделение в уезде выполняет все распоряжения центра. Выносят постановления по полученным распоряжениям, а также по заявлениям членов организации. Ведет учет всех членов, проживающих в уезде. Собирая все взносы, приходящиеся на долю В. Ц., посылает последнему. Обо всех расходах выносит постановления. Для отчета перед уездным съездом готовит доклады как о проделанной в течение года работе, так и о перспективах. Стремится получить во всех выборах победу в пользу партии.

Старается увеличить число членов партии, укреплять между ними братские чувства и повысить их политзнание.

Волостные отделения

12. Волостные отделения должны работать по указаниям центрального отделения в уезде.

Волостное отделение должно стараться увеличить приток новых членов в партию, вести учет всех членов, принимать

желающих в партию, собирать все членские взносы, принимать от них заявления, кои посылать в центральное уездное отделение. Во время выборов стараться не разбить голоса, а употреблять все силы, чтобы каждый принимал в нем участие.

Обязанности инструкторов

13. На обязанности инструкторов лежит доставка всех бумаг из центра членам партии и обратно. Кроме того, ознакамливать членов партии с постановлениями центров, стараться увеличить приток новых членов, принимать в партию желающих и осуществлять цели партии.

Условия для поступления в партию

14. Каждый мусульманин Крыма, достигший 18 лет, если не судился и не порочен, обратившись в местный партийный отдел или к инструктору, может требовать принятия его в партию, почему-либо не принятые имеют право обратиться в центральный орган.

Съезды

15. Как всеобщий, так и местные съезды собираются два раза в год.

Всеобщий съезд

16. Всеобщий съезд открывается в день . . . . . являющийся днем исторического основания партии (И. Б.) при участии членов всеобщего центра, членов всеобщего собрания и двух командируемых от уездов и волостных отделений делегатов и из представителей партийной печати.

17. На первом заседании на время съезда избирается один председатель, один заместитель и три секретаря.

18. Для детального разбора всех важных вопросов, стоящих перед съездом, последний выделяет комиссии, каковые после тщательных рассмотрений докладывает съезду на предмет обсуждения.

Обязанности Всеобщего съезда

19. Всеобщий съезд в соответствии с основой партии выносит политические решения, дополняет и исправляет устав и программу по всем поступившим предложениям как со стороны всеобщего собрания, так и со стороны отдельных членов, а также по предложениям из мест выносит постановления.

Проверяет финансы и отчетность партии. На последнем заседании выбирает всеобщего председателя и членов всеобщего центра.

Уездные съезды

20 Уездные съезды состоят из председателей, инструкторов и 4-х командированных волостными съездами делегатов.

Обязанности уездных съездов

21. Уездные съезды выносят постановления по всем предложениям волостных отделений и уполномоченных, проверяют годовую работу центра и определяют бюджет на наступающий год. Для представления Всеобщему съезду вырабатывают в соответствии с программой заключительный доклад о росте, способности партийного органа в уезде, а также о состоянии его.

22. Уездные съезды открываются председателями уездных отделов.

Ревизоры

23. Для обследования и ревизии всех партийных дел, а также в соответствии ли с инструкцией партии выполнены работы в центральных отделах и их отделений центром назначаются ревизоры.

Дополнения

24. Члены, кои будут голосовать против выставленных партией кандидатов, члены, искажающие линию партии или же помогающие противным партиям, постановлениями уездных центров будут исключаться из партии.

25. Лица, превратившие партию для личных выгод, или же лица, замеченные в противоречащих поступках морали, как-то: пьянство, азартные игры, авантюризм, злоупотребления и т. д., постановлениями центральных отделений и уездных будут исключаться из партии.

26. Лица, кои, войдя в нелегальные организации или другие политические партии, нарушат братство и единство партии, будут исключаться из партии.

27. Обо всех исключенных будет поставлен в известность всеобщий центр, исключенные же имеют право подать кассацию во всеобщий центр.

28. Постановления, вынесенные как на съездах, так и в центрах, должны быть занесены в тетрадь и подписаны соответствующими членами.

29. Члены как во всеобщих собраниях, так и во всеобщем центре, а также и центральные отделения уездов избираются на один год.

30. Вся работа, относящаяся к партии, будет производиться секретно и большинством.

31. Программа и устав могут быть утверждены $^{1}/_{3}$ голосов.

32. В случае оставления одним из членов Всеобщего собрания или всеобщего центра своей обязанности в исполнении его обязанностей должен вступить другой имеющийся.

33. Программа партии может быть утверждена и принята лишь после обсуждения каждого пункта в отдельности съездом всех представителей.

Копия с копии

В КРЫМСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Докладная записка татарской народной партии Милли Фирка

Милли Фирка является, во-первых, отражением мусульманской общественной совести, восставшей против гнета, эксплоатации, унижений и оскорблений мировым капиталом мусульманского мира, а, во-вторых, жизненным путем к последовательному переходу от капиталистического хозяйства к коммунально-коллективистическому.

Милли Фирка считает, что низведение мусульманского мира до рабского и нищенского состояния большего, чем даже в Египте и Греции, объясняется двумя причинами: во 1) отсутствием общественной организованности во всех сферах жизни мусульман и недостатком культурных сил, а во 2) эксплоатацией и угнетением всего мусульманского мира и всего Востока мировым капиталом и империализмом, начиная с XVIII столетия. Как известно, представительницей европейского капитализма, эксплоатирующего мусульманский мир, является Антанта, которая и восстанавливает его против себя. Милли Фирка признает, что естественным противником европейского империализма и капитализма являются две крупные силы, одна из которых находится в состоянии активной в лице Советской России, которая в течение трех уже лет победоносно шествует против мирового капитализма и империализма; другой крупной силой против того же капитализма и империализма должно считать с каждым днем возрастающий революционный напор в порабощенном мусульманском мире.

Признавая, что Советская Россия является первым и естественным другом и союзником угнетенного мусульманства, Милли Фирка вместе считает долгом сообщить свои сообра-

жения и убеждения, так как в настоящее время коммунистической партии нужны работники в деле организации экономической структуры общества в направлении перехода от капиталистического строя к коллективному на трудовых основаниях, то интеллигенция, вышедшая из недр мусульманского народа и знакомая с бытом и особенностями, психологией, и традициями мусульман, вполне может принять на себя сотрудничество в этом деле, расходясь с коммунистической партией не в принципах, а лишь по времени, месте и способе осуществления, так как для этого необходимо устранение целого ряда препятствий, издавна укоренившихся в мусульманском общественном быту.

Следует признать, что у мусульманина совершенно иная отличная от европейца психология и совершенно другой взгляд, общественные недуги и экономические особенности, что объясняется прежде всего до сих пор еще сохранившимся почти у трех сот миллионов из трехсот пятидесяти миллионов мусульман полукочевой, полуоседлой формы общественной жизни, препятствующей классовой дифференциации.

Наличность в мусульманском обществе шариата и рядом с ним целого ряда сект: как фанатический ногабизм, аристократический мевлевизм, коммунистический богаизм, анархический гашишизм, индивидуалистический гурифизм и др., далее дервишество, шаманизм, маздеизм и вытекающие из всех этих учений только экономические пути и исследования этих последних приводят нас к следующему выводу, что пути достижения социального счастья мусульманского народа совершенно отличны от средств и путей, избранных европейским трудовым народом.

Исходя из такого взгляда на мусульманский общественный уклад, Милли Фирка и выступила в Крыму на путь самостоятельной борьбы против религиозных, сословных и общественно-экономических суеверий крымско-мусульманского общества, и в результате 3-хлетней деятельности партии сегодня же может утверждать, что татарский народ приближается к окончательному освобождению от предрассудков, рабского подчинения влиянию фанатичных мулл, власто-

любивых мурзаков-помещиков; Милли Фирка утвердила в Крыму, принцип национализации вакуфов, доходы с которых по воле всего татарского народа предназначались для культурно-просветительных целей татарского народа, в то время как до революции 1917 г. эти доходы поступали в личный бюджет муллы данного прихода (мечети). Милли Фирка освободила женщину-татарку от тысячелетнего семейного, общественного и религиозного рабства, допустив к участию в общественной жизни народа.

В то время как разруха сквозила во всех областях краевой жизни, татарский народ до февральской революции не имел ни одной светской школы выше первоначального типа. Милли Фирка в течение трех лет удалось создать по одному высшему начальному училищу в каждом уезде Крыма, татарскую женскую учительскую школу в Симферополе, татарское среднее художественное училище и учительскую семинарию в Бахчисарае, реформирует татарскую бахчисарайскую высшую духовную семинарию „Зинджирлы медрессе“, вводя туда гуманитарные науки, естествознание, что в мусульманском обществе достигается после слишком упорной борьбы с фанатическими предрассудками.

Статистические данные о татарских народных школах в деревнях Крыма также могут служить показателем работы Милли Фирка в деле насаждения грамотности среди татарского крестьянства.

Авторитет института муфтианства, властвовавший над умами мусульман в течение тысячелетий, впервые во всем мусульманском мире был поколеблен и разрушен усилиями Милли Фирка.

Все это Милли-фирка признает как общественную борьбу и как фактор, способствующий победе трудового народа в классовой борьбе.

Все нами изложенное сводится к следующему: 1) по нашему убеждению на Востоке буржуазией являются колонизаторы-обладатели европейского капитала и поддерживаемые ими группы, 2) развитие и рост революционного движения в мусульманском мире зависит от степени интисивности революционной деятельности мусульманской интеллигенции.

Если будет признано, что Милли Фирка вела в Крыму общественную борьбу и сыграла революционную роль, то Милли Фирка добивается: 1) легализации Милли Фирка, 2) передачи татарских религиозных, просветительных дел и вакуфов в ведение Милли Фирка, 3) разрешения издания газеты „Миллет", литературных и научных журналов и книг.

1920 года, ноября 25-го дня г. Симферополь.

Председатель Центрального Комитета—Хаттатов.

Члены Центрального Комитета: первая подпись неразборчива, Чобан-Заде, Х. Чапчакчи, Б. Одабаш, С. У. Таракчиев, Осман Муединов, Ф. А. Абдураман.

Секретарь М. А. Аджи-Оглу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОДИН РУБЛЬ

КРЫМГОСИЗДАТ—СИМФЕРОПОЛЬ, СОВЕТСКАЯ, 5

